

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ДЕТЕКТИВ
ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

ДОЛЛАРЫ В ЧЕМОДАНЕ, ТРУП В БАГАЖНИКЕ

Лариса Соболева

Доллары в чемодане, труп в багажнике

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10244831

Доллары в чемодане, труп в багажнике : [ро-ман] / Лариса Соболева:

АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-087780-5

Аннотация

Простая девушка Дана, впервые попавшая на светское мероприятие, становится свидетелем убийства. Жертва перед смертью успевает передать ей замшевый футляр с маленьким ключиком. Так получилось, что еще в ее руках оказались большие деньги и мобильный телефон, а спасаясь бегством, Дана угоняет машину, не подозревая, с каким сюрпризом в багажнике. Убегая от спохватившихся братков, девушка не представляет, в какой переплет она попала... Но судьба в конце концов оказывается благосклонна и дарит ей настоящего друга...

Книга также выходила под названием «Адам не женится на Еве».

Содержание

1	5
2	20
3	36
4	50
5	62
6	75
7	91
8	102
9	114
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Лариса Соболева
Доллары в чемодане,
труп в багажнике

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

1

– Прикинемся сестричками.

Держась за дверцу автомобиля, Неля с коварной улыбочкой захватчицы всматривалась в особняк вдаль за оградой, заманчиво сиявший электрическими огнями. Посмотришь на нее – ни дать ни взять бизнесвумен, на самом деле за душой у нее ни бакса, тем более фирмы. Фразу она адресовала не Дане, которая выбиралась из «Мерседеса», а бросила вообще, будто произнесла девиз перед абордажем. В сущности, так и есть – предстоит самый настоящий абордаж, но это задача Нели. Дана же всю дорогу, можно сказать, ловила собственное сердце во всех частях тела, которое то в коленках билось, то уходило в пятки, то ныло в груди. Если бы кто-нибудь объяснил, зачем она согласилась на идиотскую авантюру, не имея к этому ни малейшего призвания? Потащи-лась за компанию. Вот-вот, так и становятся преступниками – за компанию. Когда Дана поправила маленькое розовое платье на бедрах и сумочку на плече, Неля царственно сказала приятелю, сидевшему за рулем:

– Наше тебе сэнк ю вери мач.

И захлопнула дверцу изящным движением руки: «Мерседес» бесшумно укатил. Подмигнув Дане, Неля зашагала к воротам неторопливо и уверенно, как ходят настоящие львицы в шоколаде и карамели, приправленные соусом

из стервозности. Дана поплелась за ней, а ноги просто не шли к воротам.

– А ну как не пустят – вот будет позорище, – пробубнила она.

– Кто не пустит? – фыркнула Неля и указала на охрану у ворот. – Вон та кучка дармоедов? Это тебе не Москва. Там проникнуть на светский прием – высший пилотаж. Профессиональные халявщицы прорываются даже на пьянку к президенту.

– Ну ты и загнула, – не поверила Дана.

– Клянусь, – вяло бросила Неля. Основную работу по обработке Даны она провернула три дня назад, поэтому не тратилась зря.

– Что ж ты в Москве не осталась?

– Потому что там своих халявщиц навалом, да и раскусывают их охранники чаще, чем хотелось бы. Я внедрю эту профессию у нас, пока тут непаханое поле и местные лапоньки ушами хлопают. Наши олигархи не хуже московских. Посмотри, какой особнячок отгрохал Бабаджанов. Миленький. Огромненький. Нескромненький.

– Ты на Бабаджанова имеешь виды? – изумилась Дана.

– Как повезет. А что ты так вытаращилась? Повысь самооценку, дурочка, только выиграешь от этого.

Ей хорошо рассуждать, она несколько лет ошивалась в Москве, нахваталась там всяких премудростей, как собака блох, да и возрастом старше, следовательно, опыта имеет

больше. Дана по сравнению с ней нуль нулем. Внешне тоже. Ну, хорошенькая, так хорошеньких вокруг миллион с тысячами и еще чуть-чуть. Нелька же тянет на журнальный вариант, правда, когда накрашена, причесана и одета. И когда не смотришь на ее профиль, нос у нее великоват, собственно, профиль Нели не попадет на монеты, посему бог с ним. Зато все остальное предмет для зависти: высокая, худая (на диетах сидит, потому что экономия существенная), с длинными руками и ногами, красно-рыжая, словно пожар. И язык у нее подвешен, и комплексов нет, и что за тридцать – не помеха: за ней мужики без счета ползают на пузе, но это же все не то для нее, даже если кавалер с «Мерседесом». Как не удалось ей в Москве зацепиться с ее-то предприимчивостью – загадка.

Дана увидела себя со стороны рядом с шикарной подругой и не пришла в восторг от сравнения. Рост сто шестьдесят (это не рост, а глумление природы над женщиной), конечно, жировых отложений нет, но при таком росте на узкой грудной клетке третий номер бюста как нечто аномальное. Следующие изъяны: черные волосы – не сексуально (а выкрасить их в другой цвет – заморишься краску покупать), крупные черты лица – не актуально, пропорциональная фигура – не вписывается в стандарт длинноногих топ-моделей. Нет, Дана вовсе не серая мышь, но все равно мышка без шансов стать львицей.

– Зато у нас вероятность встретить знакомых приравни-

вається к пятидесяти процентам из ста, – вздохнула Дана.

Неля остановилась, повернулась к ней и, переплетя пальцы у плоского живота, с видом старшей сестры, которую достали вопросы малышки, произнесла:

– У тебя много знакомых богачей?

– Вообще нет.

– Чего ж ты дергаешься? – И продолжила путь. – Все, закрой рот, рожицу сделай надменную, а то из-за тебя не пройдем фейсконтроль.

Дана попыталась соорудить на лице надменность, но чувствовала себя воровкой, которую вот-вот поймают за руку. Тем временем Неля затрещала, подходя к «блокпосту» у ворот:

– Хватит пререкаться. Я с тобой везде опаздываю, ты у меня как тормоз. Одно могу обещать: больше не возьму тебя с собой никогда...

– Вы кто? – спросил охранник, когда подружки перешли границу частной собственности.

Неля остановилась, будто получила удар плеткой по спине, медленно повернула пышную голову к нему, приподняла брови и высокомерно спросила:

– Это ты мне?

– Вам. – Он сконфузился.

Второй охранник отступил на два шага назад, не желая приключений на свою голову, третий сделал вид, будто не видит двух девиц.

– Мое имя, мальчик, Неля Владимировна, – сказала она с королевским величием. – Тебе все анкетные данные перечислить?

– Да нет, – еще больше смутился он. – Просто все гости давно собрались...

– А нас нет, значит, не все, – перебила его Неля и подтолкнула Дану. – Ты-то чего стала? Иди, черт возьми. Господи, ну и бестолочь.

И две неприглашенные девушки прошли! Дану в жар и холод бросало, от чего испарина, покрывшая спину и живот, то закипала, то едва в лед не превращалась. Безусловно, она бешено волновалась и трусила. Волнение не прошло и тогда, когда шли по аллее между елками и туями, между матовыми шариками-фонариками. Обмахиваясь маленькой плоской сумочкой, Дана высказала старые опасения:

– А вдруг раскусят и выгонят? Со скандалом?

– Ты мне надоела, – засмеялась Неля. – Видишь, сколько народу? С кем мы пришли, кто такие – никого не будет интересовать. Мало ли кто привел баб с собой. Теперь запомни: много не пей...

– Я вообще не пью.

– От волнения и трезвенники умудряются налакаться, а ты дрожишь как заяц. О себе правду не рассказывай, останься загадкой. Больше молчи. У нас задача завести полезные знакомства, повезет – закадрить мужика, чтобы оплачивал наши капризы. Ну и потусоваться. Выпьем дорогих напитков,

поедим изысканных блюд, потанцуем. Согласись, шикарная тусовка с контингентом высшего ранга в тысячу раз интересней дерьмовой дискотеки с бритоголовыми психами и дешевым пойлом. В этом и есть смысл халявы, поняла?

– Как же закадрить, не разговаривая? – недоумевала Дана.

– Включи интуицию, балда. Сейчас подойдем к столику, возьмем по бокалу и гуляем. Все, молчи, надень улыбку.

– А кому улыбаться?

– Просто улыбайся, – процедила Неля, показывая все свои зубы, немного напоминающие лошадиные, но у нее же нет комплексов.

Круглые столы с горками тарелок, бокалами и закусками стояли на лужайке перед домом, народу было полно, все нарядные, но какие-то деланные, в смысле – скованные. Или Дана не так показалось? Она взяла длинный стакан с соломинкой, шествовала за подругой, которая кивала направо и налево.

– Ты многих знаешь? – успокоилась Дана.

– Никого, – развеяла покой Неля. – Я не конкретно кому-то киваю.

– Зачем же тогда кивать?

– Чтобы думали, будто мы свои в доску. Идем к фонтанчику.

Неля с Даной присели на валуны, изображающие дикую природу, с верхних камней тонкими струйками стекала вода в небольшое озерцо. Неля достала сигарету, протянула пачку Данае, та отказалась:

– Да не курю я, сколько раз говорить?

– Учись. Хотя курить уже не модно, но сигарета – способ познакомиться и обратить на себя внимание...

Неля не договорила до конца фразу, вся собралась, будто готовилась к рекордному прыжку, – явно навела прицел на кого-то. В следующий миг она поднялась и, ни слова не говоря Дане, подошла к двум мужчинам, попросила прикурить. Завязалась с ними, о чем-то непринужденно болтая, – по всем признакам подруга откололась. Этого следовало ожидать! Дана чувствовала себя цветком в проруби. Эта Нелька просто черт в кипятке! Приехала, раскритиковала Дану в пух и прах, взялась опекать и воспитывать, мол, надо не работу искать на две копейки, а мужика с бабками.

Еще надеясь, что подруга вернется и чтобы немного оправдать свое сидение на камне, словно Аленушка у водоема перед утоплением, Дана стала смотреть на стекавшие струйки воды и думать. А думала она о том, куда завтра пойти, где эту долбаную работу найти, чтобы дед не пил. Окончив радиотехнический институт, она поработала на жирную и крикливую кретинку в качестве официантки. Потом приятель затянул ее в супермаркет продавцом, потом бумажки перекладывала с одного края стола на другой, собирала подписи начальников и била главного по рукам, когда он щекотал ее ребра или тыкал пальцем в грудь. У начальника не хватило выдержки, он придрался к чепухе и уволил Дану. Теперь, чтобы получить карманные деньги, она садится

за руль дедовской иномарки и помогает ему реализовать дачную продукцию на рынке – самое место для высшего образования. К тому же козел Женя, так называемый бойфренд, пропадает неделями, потом является и клянется в любви, но Дана ему не верит, давно не верит. Это не жизнь, это черт-те что! А хочется чего-то особенного, красивого, полнометражного, иначе зачем на свет выпрыгнула из мамочки?

– Скучаете?

Дана вздрогнула и перевела испуганный взгляд на мужчину. Потрепанный типчик, пьет, наверное, каждый вечер, баб меняет раз в месяц. Навскидку ему лет сорок, потому что виски тронул иней старости, одет в дорогой костюм цвета какао. Не-а, не вдохновил, однако не торчать же в этом парке отдыха одной.

– Скучаю, – призналась Дана.

– Я тоже. – Он присел на камень, где десять минут назад сидела Неля, закинул ногу на ногу и сцепил на колене пальцы. – А что здесь делает такая славная девочка?

– Девочка, как и вы, притащилась пить коктейли, – ершисто сказала она. Терпеть не может, когда ее называют девочкой. – А молочных не подают.

Он рассмеялся, запрокинув голову, Дана же смешно не стало, она подумывала уйти отсюда. Дура, поддавалась гипнозу Нельки, чуть проституткой не стала. А он отсмеялся, но улыбался, рассматривая надутые, будто два вареника в масле, губы Даны, распахнутые настезь наивные глаза, ко-

торые делают человека трогательно-доверчивым, как бы он ни хорохорился.

– Не обижайтесь, – доброжелательно сказал он. – Здесь собрались солидные зануды, у которых в глазах одни баксы. И вдруг гляжу – светлое создание грустит у фонтана...

– Вы дальтоник. Я черноволосая и смуглая.

Он снова рассмеялся, Дана – нет, у нее окончательно испортилось настроение. Вот прицепился, смехотрон!

– Как вас зовут? – спросил.

– Дана.

– А меня Семен Кириллович. – Он протянул руку, Дана пожалала теплую и сухую ладонь, не убудет же от нее. – Как вы попали сюда, Даночка?

– С сестрой пришла, – хмуро сказала она, отыскав в толпе Нелю, а подруга забыла о ней. Дана буркнула: – Она меня бросила.

– Нехорошо поступила сестра, оставив вас на съедение дяденькам. Вы, наверное, учитесь в школе?

– Отучилась в институте, – желчно произнесла закипевшая Дана. – Три года назад. И сделала пластическую операцию, чтобы молодо выглядеть.

Она покосилась на него кисло-кисло. Нет, он действительно смехотрон, ему палец покажи – ржать будет полчаса.

– А вы не похожи на деток богатеев, Дана.

– На мне клеймо: бедная сиротка?

А ведь сиротка. Папа помер от алкогольных отравлений,

маму носит по бескрайним просторам страны, раз в год она приезжает клянчить у деда бабки, после уносится искать счастье. И так всю жизнь.

– Клеймо? – присматриваясь к ней, произнес он. – Пожалуй, есть: искренняя и славная.

– А я думала, вы скажете: красивая, изысканная... терпеливая! Потому что вынесла ваши насмешки. Проводите меня через эти джунгли, домой хочу.

– Оставайтесь, Дана. Обещан концерт.

– Правда? – не обрадовалась она. – А ужина не будет? Есть хочется.

– Ужина в общепринятом смысле не будет. Сегодня здесь стряпаются делишки под балдахинном званого вечера.

– Вы говорите с иронией, – заметила Дана.

– Потому что шучу. Принести бутербродов?

– Ой, если нетрудно. – Через минуту Дана уплетала мизерные бутерброды, наколотые на шпажки. – Какие маленькие. Но удобно, рук не запачкаешь.

– Это канapé. Ешьте, ешьте... Кажется, начинают. Идемте ближе?

– Ладно, пошли...

Запихнув в рот сразу несколько бутербродов и вызвав новый приступ смеха у Семена Кирилловича, Дана, уплетая за обе щеки, встала, поправила платье, которое имеет свойство сползать по ногам не вниз, а вверх.

– Вам очень идет розовый цвет, – сказал Семен Кирилло-

вич, предлагая ей руку. – Вы как принцесса.

Вообще-то он ничего, не пошляк хотя бы. Дана взяла его под руку и проследовала с ним к свободным пластиковым креслам. На террасе расселись четверо музыкантов и запилили на все лады – тоскливо, жалобно и старомодно. В основном Дана рассматривала публику, которой явно до фонаря музыка, но гости старательно изображали кайф, можно сказать, улетали от слуховых галлюцинаций, вызванных скрипением смычков.

– Никогда бы не подумала, что эти люди способны слушать скрипки, – шепнула она Семену Кирилловичу на ухо.

– Дань западной моде, у нас теперь, как у них: приемы, коктейли, музыка вместо длинного и обильного застолья, – так же тихо сказал он. И со смешком указал на соседа: – А вот и подтверждение любви к искусству.

– Хр... Хррр... – слышалось мирное похрапывание толстяка.

Дана прыснула, а Семен Кириллович извинился:

– Простите, меня зовут.

Он ушел за дом – как жаль, Дана опять почувствовала себя сорняком среди розария. Через некоторое время на место Семена Кирилловича кто-то плюхнулся, Дана слегка скосила глаза посмотреть на нового соседа. Оценка «четыре»: молодой, симпатичный, светлый шатен, но с таким выражением, будто у него несварение или сейчас окочурится от приступа скуки. Он толкнул локтем храпуна, тот издал несколько

хрюкающих звуков и вытаращил глаза перед собой.

– Не хочешь погулять? – сказал молодой человек, обращаясь неизвестно к кому, он смотрел на музыкантов.

Дана покрутила головой, но близко с соседом, кроме храпуна, никого не было. Она чуть подалась к нему:

– Вы мне?

– А кому еще? – Он перевел на Дану глаза.

От него несло самоуверенностью и снобизмом, Дана не любит такого рода парней. А что она любит? Все, что недоступно. Но есть один нюанс: она не сделала недоступность культом, к которому бегут-гребут, не разбирая дороги и давя таких же гребцов-бегунков. Она даже не знает, как это делается. Отсюда все, что ей нравится, существует само по себе, где-то рядом, но не имеет отношения к ней, например, как здесь. А все же Дане стало интересно, как будет вести себя с ней этот сноб? В конце концов, раз удалось проникнуть к людям закрытого круга, почему не разведать о них побольше? Без цели разведать, из любопытства.

– Ну, давай погуляем, – согласилась она.

Они сидели «в последнем ряду», следовательно, не создали неудобств, уходя из «концертного зала». Дана не знала его интересов, поэтому предпочла молчать по совету Нели, а он тоже неразговорчив оказался. Но представился:

– Я Виталий.

– А я Дана.

Просто гуляли. К счастью, медленно. За свои двадцать

пять Дана сто лет из них не ходила на высоких шпильках, да еще и на платформе. Дед купил платье и босоножки на выпускной в институте, еле выдавила из него. Она опасалась неловкости и неуклюжести со своей стороны, к тому же ноги быстро устали с непривычки, ведь обычная ее обувь – кроссовки.

– Может, присядем? – предложила она.

– Вон ротонда, иди туда, – сказал Виталий, указав на круглую башню с колоннами в зарослях. – А я принесу выпивку.

– Нельзя ли воды? Очень пить хочется.

– Тебе принесу воды.

Дана побрела к ротонде, ковыляя по травке, – треклятые каблукы проваливались до самых пяток в землю. Но когда среди зарослей нашла проход и хотела подняться по ступенькам, отпрянула за куст. В ротонде целовались мужчина и женщина. Да как целовались! Дана заворуженно открыла глаза и рот, честно говоря, слегка завидуя. Ей не приходилось испытывать подобную страсть, чтобы в горле защекотало только от одного созерцания. Пару раз бойфренд Женя разогревал ее порнушкой, а может, сам разогревался, однако не добился желаемого эффекта. Или она лишена сексуальных инстинктов, или порнушка была неудачная, или френд хреновый любовник. А тут оба одеты, но впечатление от них неизгладимое, можно сказать, налицо явление диффузии из двух тел. Наверное, испепеляющая страсть появляется с возрастом, оба не слишком-то молоды... Внезап-

но Дана еще больше раскрыла глаза – в мужчине она узнала Семена Кирилловича. А ведь с ходу определила: бабник.

Вдруг женщина заговорила срывающимся, слабым голосом:

– Нет... Нет, не надо... Прошу тебя...

– Сегодня же перевезу тебя. К черту всех...

Голос Семена Кирилловича не отличался сдержанностью, как говорится, изнывал от всепоглощающей страсти – ух!

– Он убьет меня. (Надо полагать, за измену убьет муж.)

– Не убьет, Зося, не бойся. Теперь он у меня в руках, и не только он... («Интересная у людей жизнь», – позавидовала Дана.)

– Я же и помогла тебе... Он все равно узнает, догадается.

Боюсь его...

– Не бойся, Зося, он ничего не знает... Я спрячу тебя, сегодня же спрячу. Все сделаю сам. (А здесь детективом пахнет.)

Дана фактически стояла на цыпочках, но сделала попытку приподняться выше, чтобы разглядеть пару, очутилась на кончиках босоножек, как балерина на пуантах. И закусила губу: Семен Кириллович прижал женщину к колонне и... Ой, они, кажется... Дана дала задний ход, рванув навстречу Виталию.

– Куда ты несешься? – спросил он. – Держи.

Она выпила воду залпом, потом сказала:

– Идем отсюда, ротонда занята.

Устроились на скамейке, откуда неплохо видно террасу,

где медленно, будто сомнамбулы, ходили длинные девицы, одежду им заменила роспись по телу – это вторая часть развлечений. Собеседником Виталий оказался неинтересным, изъяснялся короткими фразами, можно подумать, у него атрофирован язык. По вялым хлопкам и по заметному шевелению среди зрителей Дана поняла, что представление окончено, и снова подумала о возвращении домой, но Виталий предложил:

– Хочешь, покажу коллекцию охотничьих трофеев?

– А ты охотник?

– Да, мы с отцом большие любители.

– Покажи. – Она с готовностью поднялась. – Постой... ты родственник хозяина?

– Сын. Не притворяйся, будто этого не знала.

– Хм! – фыркнула она. – Считаешь, об этом должна знать вся страна?

– Достаточно нашего города. Идем?

– Ну, давай, показывай.

2

В большой комнате на втором этаже Дана, рассматривая стены, украшенные головами животных, чучелами птиц и всяческими охотничьими принадлежностями, присвистнула:

– Фью! Это все вы с отцом настреляли или купили?

– Настреляли.

Она подошла к бурому медведю в углу, погладила по лапе, обернулась:

– А не жалко было стрелять в живое?

– Это же охота, – снисходительно усмехнулся Виталий.

Слава богу, не стал распространяться про древнейшее занятие человека, что охота сидит в крови мужчины-добытчика и так далее. Не рисовался, что понравилось Дане. Она обходила застывший животный мир, рассматривая по очереди искусно сделанные чучела фазанов, орлов, рыси, головы кабана и оленя, у шкуры белого медведя, расстеленной на полу у камина, остановилась:

– И этого мишку убили вы?

– Единственную шкуру купили, – честно признался Виталий, доставая из бара бутылку, бокалы. – А льва застрелил отец.

– Ух ты! – Дана перешла к лавке, на которой покоилась шкура льва, а голова лежала на полу. – Настоящий лев!

– Садись. – Он упал на шкуру белого медведя и, полулежа, разлил вино: – Держи.

– Вообще-то я не пью... – Дана опустилась на колени, но бокал с блекло-лимонной жидкостью взяла.

– Я тоже не пью. Из мелкой посуды. Чин-чин?

– Это по-каковски?

– У нас чокаются, а в Европе говорят «чин-чин», в частности, в Италии.

Дана сделала глоток – вкусно, увлекаться не стала, изучала стены и Виталия. Вот странно: у человека есть все, что душа желает, а он словно ожившая мумия.

– Почему не пьешь? – спросила лениво мумия.

– Мой папа был алкоголиком, боюсь дурной наследственности. У вас большой дом.

– Всего тысяча пятьсот квадратных метров.

– Ого, – не пришла в восторг Дана, подумав, что на этих метрах можно подохнуть, как на плантациях, убирая их. Сколько же дедовских квартир поместится в доме? – А почему ты такой смурной? (Он пожал плечами, оказавшись в затруднении.) Понятно, жизнь наскучила?

– Развесели.

– Я не клоун, веселить не умею.

И вдруг на вид флегматичный Виталий далеко не флегматично завалил ее на шкуру, присосался к губам и запыхтел носом, как пылесос перед ремонтом. Дана вытаращила глаза, обалдев от... этому названья нет! Не делая резких дви-

жений, она лишь отводила руки-присоски, когда те бессовестно лапали ее, лезли под короткую юбку. Не готова она отдаваться первому встречному на шкуре, по которой ходили грязные ноги. И кто, интересно, в данном случае халявщик? Уж не она, это точно. Наконец он оторвался, приподнял лицо вареного рака, завозился в своей одежде... Он что, брюки расстегивает?! Этого не хватало! Дана собрала силы и без подготовки партнера, мол, извини, у меня не все в порядке, не могу и не хочу, – оттолкнула его руками, ногами и даже головой. Дед говорит, маленькая женщина в минуты злости превращается в гибрид тигра с гадюкой, отсюда опасность для мужчины возрастает в несколько раз. Подскочив, она схватила сумочку, пнула ногой богатого выродка (он ведь тоже вставал), Виталий упал. Дана выбежала из комнаты, слыша за спиной животный рев:

– Дана! Подожди! Черт! Дана!

Как же, разуется-разденется и подождет! Правда, она действительно разулась, чтобы быстрее бежать, босоножки подхватила с пола и понеслась по коридору, оглядываясь. Виталий вырулил из комнаты, Дана припустила, забыв опустить юбку, свернула за угол. Сзади слышала топот нахала, который выкрикивал ее имя, он не оставил надежды догнать беглянку.

– Вот сволочь, – процедила она.

Дед говорит, разъяренный мужчина хуже цепной собаки. Надо спрятаться, пусть придурок остынет. Дана пробе-

гала мимо дверей и, как только сообразила испариться хотя бы на время, открыла первую попавшуюся. Проскользнув внутрь, бесшумно прикрыла ее, очень скоро топот пронесся мимо.

Она облокотилась спиной о стенку и... беззвучно расхохоталась, представив рожу Виталика. Хохотала как сумасшедшая, икая и сгибаясь в три погибели. Успокаиваясь, дошла до дивана, упала на него и еще некоторое время смеялась. Потом лежала, наверное, минут десять, может, больше. Надо выйти, спуститься вниз, но она опасалась встретить Виталия в доме, это чревато последствиями, и ей будет не до смеха. Она села, огляделась. Света достаточно много из окна, чтобы рассмотреть интерьер.

Неизвестно, для каких целей была запланирована данная комната, но обстановка здесь под старину. Диван с подушками, четыре кресла, стулья выполнены в одном стиле с одинаковой резьбой и обивкой с кокетливыми цветочками. Массивный стол напротив окна, легкие занавески, тяжелые шторы... Может, это кабинет хозяина? Собственно, какая разница, для чего эта комната. Ей надо незаметно выбраться из дома. Со двора доносились звуки музыки, смех, гомон. А если удрать через окно?

Дана вспорхнула с дивана, взобралась на стол, перешла на подоконник и глянула вниз. Высоковато. Впрочем, проблема ерундовая, Дана часто взбиралась на самую верхушку дерева, помогая снять урожай деду, иногда прыгала

вниз, экономя время. Она попробовала открыть рамы, дергала-дергала за ручки, но окно не открылось. Остается выйти так же, как вошла, – через дверь. Дана спрыгнула с подоконника, взяла босоножки в руки, сумочку повесила на плечо и очутилась у двери. Разумеется, послушала, нет ли людей в коридоре. А там шаги.

Она отступала от двери, боясь, что сейчас зайдет Виталий, догадавшись, почему она исчезла так быстро. И – вот невежество! – ручка повернулась...

Дана пулей юркнула под диван, слава богу, пролезла. Прижавшись к стене и свернувшись калачиком, она притаилась и следила за дверью. Странно, полоска яркого света упала на пол, но никто не входил.

– Сюда! – приглушенно сказал некто в коридоре.

Полоса расширилась. Вошли мужские ноги, прошли к стене, комната осветилась матовым светом. Еще ноги...

– Ну и что ты хочешь... – знакомый Данае голос осекся, в следующий миг на полу рядом с диваном лежал...

Неужели это Семен Кириллович?

Упираясь ладонями в пол, он повернул голову и увидел Дану. Девушка открыла рот, а он одними глазами с бровями дал ей знак: молчи. Дана еще больше сгруппировалась, просто вжалась в стену и закусилась нижней губой.

Четыре руки схватили Семена Кирилловича и поставили на ноги. Дана считала пары ног: одна (включая Семена Кирилловича), две, три... четвертая пара вошла. Видимо, Се-

мена Кирилловича толкнули, потому что его ноги выписали крендель, сделав несколько неестественных шагов вперед, и резко остановились напротив вошедшего. Оставшиеся две пары перешли к ним.

– Ты бездарно провалился, Сеня, – сказал тусклый мужской голос. – Отдай то, что украл.

– Твое большое воображение приписывает мне то, чего я не делал, – произнес Семен Кириллович.

– Сеня... Ты сделал ошибку, исправь ее.

– Ошибку сейчас делаешь ты.

Пауза. Ноги прошлись, вернулись к ногам Семена Кирилловича.

– Кто ты, Сеня?

– Твоя тень.

– Ты у нас шутник... шустряк... шпион хренов. На кого работаешь, Сеня? Не сам же додумался.

– Меньше наушников надо слушать.

– Сеня, ты испытываешь мое терпение. Я знаю, что это сделал ты, и прошу по-хорошему отдать.

Тусклый голос звучал до того спокойно, что Дане страшно стало, а раньше она не знала чувства страха. Ну, перед экзаменами тряслась, на собеседованиях, когда искала работу, еще первый раз в постели с Женькой... Это все не тот страх. Нынешнему ужасу не было объяснения, он был безотчетный, застрял в горле, не позволял дышать, накатывал волнами. И тогда появлялось желание выскочить из-под дивана

и бежать на улицу. Пусть здесь разбираются без нее, а она больше никогда-никогда в чужой удел носа не сунет. И лишь ощущение, будто Дану прибили гвоздями к полу и стенке – значит, она не сумеет убежать отсюда, а только обнаружит себя, – заставило ее стиснуть зубы и лежать тихо.

Вдруг – бах! На слух это был удар. Точно, Семен Кириллович снова очутился на полу у дивана, но теперь на спине. Из его носа и губы потекла кровь. Дана, чтобы ненароком не вскрикнуть, зажала ладонью рот. Семен Кириллович перекатился на живот в сторону дивана, стал на четвереньки, но не удержался, руки его расползлись на паркетном полу, одна очутилась возле колена Даны. Он убрал ладонь, под ней лежал маленький замшевый футляр. Семен Кириллович пододвинул его пальцами к девушке, выразительно глядя в ее глаза, после начал подниматься. Его припечатала к полу нога, поставленная ему на спину.

– Не знаешь, наверное, что за такие дела бывает? – Все тот же голос пугал Дану, но, кажется, не испугал Семена Кирилловича. – Сеня, где ты это спрятал? Кто еще знает? Последний раз тебя спрашиваю...

– Пошел в задницу, – вяло бросил Семен Кириллович. А смотрел он при этом на Дану, потом опустил глаза на футляр и снова уставился на нее. Что он этим хотел сказать?

– Вот как. Что ж, сами найдем. Выбор ты сделал.

– Ты мне его все равно не оставил бы, – промямлил Семен Кириллович. – Хочу предупредить: если со мной решил

расправиться, себе же сделаешь хуже...

– Тебе тем более не помогут угрозы.

Дана услышала странный, короткий, глухой звук – Семен Кириллович содрогнулся всем телом, глаза его остекленели. Потом еще тот же звук – Семен Кириллович только дернулся. Что произошло? Дана не понимала. Не понимала, почему пиджак цвета какао на спине за секунды стал темно-бордовым, а недавний знакомый смотрел прямо на нее, смотрел безучастно, не мигая, не шевелясь...

Что-то поставили на стол, щелкнули замки.

– Это аванс, – сказал другой мужской голос.

«Главные» ноги прошли к столу.

– Обыщите его. Неудачный сегодня день.

По мере того как руки переворачивали тело Семена Кирилловича, затем шарили по карманам, у Даны останавливалось сердце. В груди оно останавливалось, а в ушах билось сильнее и сильнее, из-за чего она попросту глохла. Ладонь плотно закрывала рот. Дана узнала не только страх, но и ужас. На Семене Кирилловиче она видела кровь – красную, мокрую, блестящую. И на полу отпечаталась его кровь. И глаза теперь смотрели в потолок. Почему? От ужаса до нее не доходило, откуда взялась кровь. Дана, следя за руками, думала: если эти типы сейчас заглянут под диван, что будет?

Руки нашли документы, мобильник, потрясли связкой ключей, ноги отошли от дивана. Дана не вздохнула с облегчением, у нее и дыхание остановилось.

– Что с этим делать? – спросил третий голос.

– Побудет здесь до рассвета, – ответил тот, кто вел диалог с Семеном Кирилловичем. – Выходим, выходим! Оставьте все, сюда никто не войдет.

Погас свет. Ноги гуськом вышли, дверь захлопнулась. Комната была пуста. Дана прикрыла веки, ее тело обессилело, размякло, рука освободила рот и безвольно упала на пол. Девушка лежала в темноте, переживала спад напряжения, поэтому ни одной мысли в голове не было. А снаружи слышались музыка и смех...

Неля, кокетничая (разумеется, в пределах разумного) с мужчинами, с которыми довелось танцевать, заодно познавала так называемое местное общество. Тридцать для женщины (точнее, тридцать два, пару годиков можно не считать) – сигнал вполне определенный: последний бой, он трудный самый. Может, и не последний, а поторопиться не мешает. Хорошо бы замуж выйти, удачно или не удачно – не в том суть, развестись не проблема, зато при разводе можно оттяпать часть благ. Но и щедрый любовник ей подойдет, ведь ничего дороже свободы нет. Главное, зацепиться за круг, а там... вожжи в руки.

Ей удалось закадрить пожилого и толстого армянина, но это на самый безнадежный случай. А вот господин с внешностью депутата, к тому же нестарый и проявивший к ней здоровый интерес, – шанс серьезный, к сожалению, боль-

ше претендентов, или, скажем, желающих узнать Нелю ближе, не нашлось. Депутат, безусловно, не предел мечтаний, но он способен вывести ее на достойных людей, в смысле – мужчин. И почему не допустить, что он окажется важным чиновником или директором крупного предприятия? Если с армянином она позволяла себе пошленькие остроты, то с господином Веховым Неля тонко играла в игру «ума палата» и «оплот женщины – нравственность», что давалось ей не столь уж тяжело, она была прирожденная лгунья. По этим причинам Неля думать забыла о Дане, вспомнила о ней, когда вечер подходил к концу и Вехов во время танца спросил:

– Вас подвезти?

– Если не затруднит.

Тут-то она и вспомнила о подруге, пробежала взглядом по головам.

– Вы кого-то ищете? – спросил Вехов.

– Сестру...

– Так вы с сестрой? – разочарованно протянул он.

– С кузиной, – улыбнулась Неля. «Кузина» звучит не так обыденно, как «сестра». – Она самостоятельная, сама доберется, у нее здесь друг.

– Отлично. Поехали?

Неля вышла из редющей танцующей толпы в сопровождении Вехова. А машинка у него нехилая, баксов тысяч на пятьдесят тянет, – оценила Неля, садясь в авто рядом с Веховым.

Перестала играть музыка, постепенно смолкали голоса. Постепенно и к Дане возвращалась память или то, что называется способностью мыслить, значит, существовать в реальности, а не быть тупой массой сорока восьми килограммов. Глаза привыкли к полумраку, следовательно, видели недвижимого Семена Кирилловича. И когда до нее дошло, что он мертв... Дана подскочила, вернее, попыталась подскочить, но больно стукнулась головой о дно дивана и снова припала лицом к полу.

Мертв!!! Как же так?

Дана копалась в памяти, когда же он стал мертвым... Вспомнила, как он вздрогнул два раза после непонятных звуков...

Его убили! Она в комнате с трупом!!!

Дана сглотнула тошноту, почуввав приторный, солоновато-сладкий, плотный запах крови, который обволакивал и въедался в нее даже через кожу. Она кусала губы, глядя на труп и прилагая немалые усилия, чтобы не закричать. Мурашки стадами туда-сюда проносились по телу, отчего волосы просто дыбом вздымались. Но зашевелились и мозги в черепушке, которые вдалбливали: не ори, дура, тебя убьют.

«Меня убьют, – согласилась она. – Убьют...»

Убьют, потому что она стала свидетельницей убийства. А жизнь только началась, Дана ничего не успела сделать, узнать, повидать. Что, вот так: раз – и прекратится суще-

ствование? Она не будет ни слышать, ни видеть, ни осязать, ни обонять? Перестанет жить? Будет так же лежать, как Семен Кириллович? Представив себя бесчувственным трупом, Дана прикусила палец и зажмурилась, задышала часто-часто, до головокружения. Открыв глаза, она опять наткнулась взглядом на труп. Куда же деться от него?

Дана не могла выползти напрямую, для этого надо либо отодвинуть Семена Кирилловича, либо перелезть через него, на такой подвиг она не способна. Поползла по-пластунски назад...

Рука задела замшевый футляр. Дана потрясла его, выпал ключ, повиснув на короткой цепочке. Видимо, это ключик от какой-то важной дверцы, Семен Кириллович не хотел, чтобы он попал в руки его палачей, и подбросил Дана. Сейчас не до ключа, посему Дана сунула его в футляр, а потом в кармашек сумочки и выползла.

За окном гасли огни, в комнате становилось темнее. Дана кинулась к двери, послушала коридор, тронула ручку...

– Заперта, заперта, заперта! – чуть не плача, прошептала Дана, дергая за ручку. – Мне что же, сидеть здесь всю ночь с трупом?

А вдруг ключ Семена Кирилловича подойдет? Дана достала его, но... он был не от этой двери. Спрятав ключ назад, она кинулась к окну, однако ее внимание привлек кейс на столе, потому что на него падал свет от фонаря снаружи дома. Дана подошла ближе, на кейсе лежали документы,

мобильный телефон и связка ключей – все, что вытащили из карманов Семена Кирилловича. Связку Дана опробовала всю, ни один ключ не подошел к замку. Она взяла документы, подскочила к окну, пролистнула паспорт, посмотрела водительское удостоверение Семена Кирилловича и вернулась к столу. Потрогала крышку кейса... открыт.

– О боже! – вырвалось у нее нечаянно.

Да такой кучи денег она сроду не видела, только в кино. Аккуратно сложенные пачки, перетянутые резинками, полностью заполнили кейс. Дана захлопнула его, встала на стол, затем перешагнула на подоконник.

Полчаса она дергала и пыталась повернуть шпингалеты – тщетно. Дана села на подоконник, обхватила колени руками и положила на них подбородок. Прекрасно! Куча денег, труп (только не думать о нем, даже не смотреть в его сторону, иначе можно чокнуться) и невозможность выбраться! Дана в ловушке. Утром придут ноги и вынесут отсюда два трупа. Второй раз не повезет, ее обязательно обнаружат.

– Как же быть? – спрашивала она себя. – Как мне выбраться?

Безысходность усугубляла тишина, сжавшая пространство, отчего стало невыносимо тесно в этой большой комнате. Темнота не была полной, хотя во дворе много фонарей погасло, но те, которые остались, вливали слабенький свет в комнату. Очертания мебели вырисовывались темными тенями на светлых стенах, а когда ее глаза, словно их тянуло

посмотреть на пол, останавливались на размытой темнотой фигуре Семена Кирилловича, у Даны начинало бешено колотиться сердце.

Ночь, а она заперта с трупом! И откуда-то из глубины души лезли кошмары, виденные в кино, когда мертвецы поднимались из могил или выходили из гробов и тянули, тянули тленные руки с когтями к живым. Иногда ей даже казалось, что Семен Кириллович шевелится... Паника заполняла Дану, не оставляя свободного места для разума, она подскакивала и неистово дергала за шпингалеты. Но как бы ни велика была паника, а кричать она не смела, помня: на крик придут и убьют.

Не открывается окно, хоть тресни!

Обессилов, Дана в очередной раз рухнула на подоконник и заплакала, содрогаясь всем телом. Но слезы никому еще не помогли пройти сквозь стены, они бесполезны, не принесли даже относительного расслабления. Дана положила кулаки на колени, на них подбородок, так просидела много времени, перебирая варианты спасения.

Окно – единственный реальный выход, она провела ладонью по стеклу. А если выдавить стекло? Дана спрыгнула с подоконника, опасливо двинула к дивану, глядя со страхом на тело Семена Кирилловича. Схватив подушку, быстро попятилась от трупа... нет, он не встал и не протянул к ней руки. Взбравшись на подоконник, Дана приложила подушку и надавила на стекло.

С каждым разом она давила сильнее и сильнее, но стекло не выдавливалось. Дана начала биться телом о стекло, подставляя подушку. Даже не треснуло. Что это за стекла такие непробиваемые? Стулом бы выбить... Так ведь нельзя, на шум сбегутся и убьют. Вот положение: не убьют сейчас, убьют чуть позже, когда вернутся за трупом. А вернутся на рассвете – так сказали главные ноги. Значит, жить осталось до рассвета. Как это можно принять?

Дана сидела на подоконнике, глядя на желанную волю, где в черной густоте сада безмятежно светились круглые шарик-фонарики. Там, за стеклом, шла интересная и многообразная жизнь, здесь время остановилось, потому что его уже не будет для Даны. Пока оно еще течет, приближая рассвет, вместе с рассветом приближает нелепую смерть, после чего все остановится. Какими же дурацкими недоразумениями виделись ей теперь крупные неприятности, даже скандальная кретинка с ее забегаловкой, где бессовестно обкрадывали клиентов, высветилась в радужном свете. А какой у Даны славный дед! Какие он выдает нравоучительные мудрости! Он же Спиноза, Кант и Шопенгауэр в одном лице, только книг не пишет! Но Дана его не ценила, Дана бесилась и спорила с ним, дура. Вот если бы слушала деда, не сидела б взаперти с трупом и перспективой стать убитой в ближайшие часы.

Глупо, в опаснейший момент она думает о пустяках. Ах, ну да, ну да – смертники вспоминают всю свою жизнь,

как бы проживая ее заново. В недалеком будущем у Даны –
кладбище или канава, куда ее сбросят. Забрёжил рассвет...

3

Вот и дверь открылась. В комнату проскользнули три человека, два подошли к труп, третий остался у двери, смотрел в коридор, видимо, он и приказал:

– Выносите.

Двое наклонились... из нагрудного кармана одного из них выпал мобильник, цокнул о пол.

– Стой, – сказал он, стал на колени и зашарил рукой под диваном.

– Брось, потом заберешь, – поторапливал его напарник, взявший за ноги Семена Кирилловича.

– Чего горячку пороть? – Потерявший мобильник наклонился к полу, нашел трубку и взял под мышки труп. – Все дрыхнут.

– Быстрей! – прошипел тот, что был у двери.

Переступая семенящим шагом, двое вынесли труп...

Дана ни жива ни мертва стояла за тяжелой шторой. Когда дверь захлопнулась, она непроизвольно вздрогнула и с облегчением выдохнула, но тихо. Подождала несколько секунд, после высунула голову и сквозь тонкий тюль осмотрела комнату. Пусто. Ей повезло второй раз. Но еще неизвестно, так ли это, ведь предстоит выбраться из дома.

На цыпочках она выскользнула из-за штор, метнулась к выходу, но неожиданно вернулась к столу. О, что делает

удача с человеком! Лишает последних мозгов. Открыв кейс, Дана вытаскивала оттуда пачки с деньгами, быстро засовывая их в маленькую сумочку. Как говорит дед, если от многого взять немножко, то это не кража, а просто дележка. И он успешно ворует в основном у государства: свет, воду, газ. Посмотрев на содержимое кейса, Дана сказала себе мысленно: хватит, иначе будет кража, да и не поместится больше в сумочке. Она забрала связку ключей и мобильный телефон Семена Кирилловича, в паспорте посмотрела страницу с последней пропиской, крестясь, выпорхнула в коридор.

Босые ноги Даны бесшумно ступали по полу самыми кончиками пальцев. Девушка оглядывалась назад, но главным ее желанием было никого не встретить...

Лестница. Дана осторожно выглянула из-за угла. Внизу никого. Пулей она сбежала вниз и тут же бросилась в сторону – кто-то входил, она услышала шаги. Дана притаилась в углу под самой лестницей, для верности присела и замерла, не дыша и покусывая губы.

Двое внешне похожих мужчин поднялись наверх, когда их шаги смолкли, Дана помчалась к выходу.

Терраса. Но это еще не свобода, свобода за пределами ограды. Как же бешено колотится сердце! Только бы никто не заметил ее. Дана слетела с террасы и ринулась в кусты. Уже хорошо. Нет, великолепно! Теперь Дану трясло не от страха – от огромного счастья, что она близка к цели. Она перебегала от одного куста к другому, от дерева к дере-

ву и приближалась к заветной мечте, то есть к воротам...

А у выхода охрана, о чем Дана совсем забыла!

Ну и как выйти? Что им сказать? Мол, я всю ночь практиковала секс с сыном хозяина, хочу домой отсыпаться? А они возьмут и проверят. Потом обыщут ее и найдут деньги, ключи, мобилу... А потом догадаются, где Дана их взяла, пришьют ее и выкинут в канаву.

Со всеми предосторожностями, на какие только была способна, Дана двинулась назад. Надо отойти подальше от охранников, затем поискать подходящее место и перелезть через ограду. Краем глаза она заметила автомобиль на дороге к дому. Отлично! Теперь можно короткими перебежками перебраться на ту сторону, там кущи гораздо плотнее, настоящий лес. Она не решилась сделать этого раньше, так как из дома полностью видна дорога, Дану могли заметить.

Подобравшись к елкам и туям, она огляделась и кинулась к автомобилю, присела у фары, взглянула на дом. В окнах любопытных нет...

И вдруг рядом с собой она услышала грозное рычание. Дана так и села: три ротвейлера окружили ее, облизывались, словно собрались обглодать ее косточки.

Зося не спала, ждала Семена, ни разу ее не потянуло в сон. Вещи она собрала, как только приехала, теперь пила кофе и поглядывала на часы, нервничая. Он обещал

приехать через час, а прошло с одиннадцати вечера шесть. Несколько раз Зося порывалась позвонить ему на мобильник, но опускала трубку, после надолго застывала в позе ожидания. В душе росла тревога. К четырем утра Зося поняла: что-то непредвиденное случилось. Семен не из тех людей, которые не держат слово, поэтому у нее и мысли не возникло, что он решил умыть руки и бросить ее. В чем же тогда причина его молчания? Ведь он даже не звонит!

Красивая женщина – это достоинство и недостаток одновременно, к сожалению, молоденькие девчонки не понимают данного факта. До тридцати Зося тоже не понимала. И не потому, что у красивых часто отсутствует разум, а потому, что стремление к пресловутому счастью бывает сильнее ума. Красота открывает много возможностей, Зося пользовалась ею вполне успешно, иногда бездумно.

Но когда тебе тридцать четыре, разум (если он есть) активизируется помимо желания, и, анализируя прошлое с настоящим, содрогаясь: как много сделано ошибок. К ошибкам привели излишняя доверчивость, в какой-то степени самонадеянность – наверное, это и есть две составляющие наивности. Зося нельзя назвать наивной, но это сейчас нельзя. А еще недавно (годы-то после тридцати начинают набирать скорость и проносятся быстрее, чем хотелось бы) она парила, упиваясь своими достижениями. Зося была независима, у нее сложилась карьера, а то, что нет семьи, – не катастрофа. Но это кажущиеся достижения, ведь ничего не дается просто

так. В принципе, черт с ними, с ошибками, разве существуют люди, не делающие оных? Да вот беда: ошибки ошибкам рознь, некоторые плодят долги, а долг платежом безобразен.

Зося посмотрела на часы – половина пятого. Тревожно заныло внутри, щемило сердце. Инстинкт самосохранения подсказывал ей: больше не стоит ждать, на всякий случай уходи. Зося достала парик, спрятала под ним каштановые волосы, расчесала его. Теперь она пепельная блондинка с прической каре, которая больше идет круглолицым, сужая лицо. У Зоси высокие скулы, к подбородку лицо заостряется, а большой лоб дополнительно его удлиняет. В сущности, Зося пыталась определить: насколько стала не похожа на себя. Она надвинула парик, закрывая челкой характерную линию прямых бровей, на макушку водрузила солнцезащитные очки. Взяв в руки две дорожные сумки, направилась к выходу, но вдруг зазвонил телефон, она бросила сумки и кинулась к аппарату.

Интуиция удержала ее снять трубку, Зося замерла, занеся руку над аппаратом. Телефон определил номер, но звонил не Семен, к тому же он позвонил бы на мобильник, предназначенный только для очень узкого круга людей. Кто же позвонил в такой час? Зося не стала удовлетворять собственное любопытство, медленно попятилась, взяла сумки, закрыла квартиру и вышла из дома. Сев в машину, она помчалась к окраине города. Сеня найдет ее.

– Хорошие собачки, – улыбалась зверюгам Дана. А пасти

у них – ее голова запросто войдет. – Тихо, тихо...

На корточках, подавляя невообразимый страх перед псами, Дана отступала спиной. Ей удалось миновать переднее колесо. Вот и дверца. Лишь бы машина была открыта. Дана медленно протянула руку...

– Р-гав! Ррр-гав! – пробасила центральная псина, как будто поняла, что Дана мечтает забраться в салон, и соответственно предупредила ее не делать резких движений.

– Чтобы ты сдох, урод, – ласково сказала Дана псу, протягивая руку к дверце. – Хочешь, чтобы меня пришили? Сволочь ты черная. О господи, заткни им пасти.

Это просто супервезение: дверца открылась! Дана начала медленный подъем, одновременно открывая шире дверцу. Собаки сидели, высунув языки, тяжело дыша и не сводя с нее кровожадных красных глаз. Левая псина стала на четыре лапы, и тут у Даны сдали нервы. Едва дверца открылась достаточно, чтобы можно было пролезть в автомобиль, она запрыгнула на сиденье и перед самой мордой одной из псин захлопнула дверцу. Собаки разлаялись, поставив передние лапы на стекло.

– Тише вы! Фу! – рычала и Дана. – Дом поднимете, уроды!

Оглянувшись, она увидела на террасе появившегося мужчину из тех двоих, кто не так давно поднимался по лестнице. Дана пригнулась. Ладони механически шарили по приборам, наткнулись на ключ зажигания. Дана посмотрела назад, пряча голову за спинкой сиденья, – мужчина не спеша

шел к машине. Нет, только не это! Ее затрясло – что делать? Но ведь машину она умеет водить, правда, не захватила прав. У деда старая-престарая иномарка, Дана его возит на рынок, а то и сама доставляет урожай, начиная от петрушки с укропом весной и кончая яблоками с грушами осенью. Неужели не сдвинет эту?

Мужчина свистнул, псы кинулись к нему на зов, но один так и лаял на автомобиль. Нет, он все равно идет к машине! Дана поставила ступни на педали... А где босоножки?! Где она их оставила? Ну и черт с ними. Дана завела мотор, уже не таясь, тронула машину с места, оглянулась. Мужчина сначала остолбенел, затем кинулся вдогонку, но дорога поворачивала, огибая зеленые насаждения, к выезду. Дана свернула, потеряв мужчину за деревьями, прибавила газа. Миг – и очутилась у ворот, посигналила, затем крикнула:

– Эй! Мальчики! Откройте! Скорей!

Сзади неслись псы, слышался их беспорядочный лай. А охране все равно, кто уезжает в такой ранний час, ворота открыли. Дана как рванула...

– Стой! – донеслось до ушей. – Держи ее!..

Все, она мчалась, видя перед собой струившуюся под колеса дорогу. Мчалась и торжествовала. Несмотря на сумасшедшую скорость, ее никто не остановил, видно, милиция в это время спала. Боясь погони, она сворачивала в переулки, не снижая скорости. Визжали колеса – шинам хана. Но после недавних ужасов безумная радость окрылила Дану. Ей уда-

лось избежать смерти! Это чудо! Настоящее чудо!!!

Вскоре она поняла, что если и была погоня, то ее потеряли. Куда теперь? На дачу к деду, он с марта перебирается жить туда. Чтобы не встречаться с постом ГИБДД на выезде из города, она направила машину по пешеходным тропкам, въехала в дачное царство и теперь выбирала место для парковки подальше от участков.

Это не те дачи, где люди балдеют от безделья, здесь каждый дачник трудится до седьмого пота, как ее дед, выращивающий овощи с фруктами в основном на продажу, ну и немножко для себя, лишь бы на зиму хватило. Чего только не растет на его законных шести сотках! Вся съедобная флора произрастает благодаря стараниям деду. Он, как японец, способен на одном квадратном метре вырастить джунгли.

Местечко Дана отыскала в небольшой роще за лесополосой, пришлось преодолеть адски неудобный путь по пригоркам, поросшим травами, зато сюда не заходят люди. Дана выехала на крошечную полянку среди густых зарослей и заглушила мотор. Все, смертельные приключения окончены. Она упала на руль лбом, отдыхала. Несмотря на бессонную ночь, ее не тянуло расслабиться, напротив, слишком велико было возбуждение, энергия кипела. Как раз этот поток энергии и надо привести в норму, а потом...

Следует замаскировать машину, чтобы ее не нашли, а то так и ее, Дану, вычислят. Пусть пока постоит здесь, она при-

думает после, что с этим транспортом делать. Она вышла, присмотрела пышный куст, согнулась к его основанию и принялась терзать ветки, растущие из земли. Однако даже сломать ни одну не удалось.

– Посмотрю в машине, может, найду что-нибудь подходящее.

«Что-нибудь» – это нож, пила, топор, ну, хоть какой-нибудь заточенный предмет, способный выкорчевать ветки. Дана стала одним коленом на сиденье, открыла бардачок. Сигареты, жвачка, тряпка, презервативы... У, какой предусмотрительный хозяин автомобиля.

Пистолет! Настоящий. Действительно, хозяин запасливый. Дана достала пистолет, повертела и сунула назад – ей он ни к чему.

– Лопатку бы мне, – произнесла она и пошла к багажнику. Открыв его, Дана вскрикнула и разом оцепенела...

Туча – это прозвище, производное от фамилии Тучкин, – потер щетину на остром подбородке и впалых щеках, остановив тяжелый взгляд на своем отражении в зеркале. Физия не ахти, глаза покраснели, скулы еще больше обозначились и без того смуглая кожа приобрела коричневый оттенок. Так ведь и ноченька выдалась далеко не спокойная, потрепала нервную систему, но закончилась благополучно. Туча разделся, его сухощавое тело жаждало воды, однако в ванную он не пошел, а с блаженством растянулся на постели и уже

засыпал, вдыхая утренний воздух, влетающий через раскрытое окно, когда в его комнату ворвался с перевернутой рожей Чип:

– «Бумер» угнали!

Туча, разумеется, догадался, какой именно «бумер» угнан, откинул одеяло и сел. Желваки на скулах шефа охраны заходили в неистовстве, но он был не паникер по натуре, воспитал в себе выдержку, к которой обязывает положение.

– Когда? – задал он короткий вопрос.

– Только что, – утирая потный лоб тыльной стороной ладони, сказал Чип.

– Кто?

– Девчонка какая-то...

– Девчонка? Ты серьезно? Кто с ней был?

– Никого, я сам видел. Она сидела за рулем...

– Не ори! – злобно процедил Туча. Все же он взбесился и не смог этого скрыть, тем не менее следующий вопрос задал обычным, ровным тоном: – Откуда она взялась?

– А хрен ее знает, – пожал крутыми плечами Чип. – Я вообще ее не помню...

– Стоп! – поднял ладонь Туча. – Где она угнала автомобиль? В каком месте вы его оставили?

– Прямо со двора. Я только собрался с Дейлом ехать...

– Со двора?! – обалдел Туча и подскочил на ноги. – «Бумер» стоял во дворе, а она его угнала?!!

– Ну да, – беспомощно развел руками Чип. – Охранники

ее выпустили, я не успел тачку догнать...

– Ты запомнил девчонку?

– Нет, я только розовую кофту видел... типа топа... и волосы черные.

Туча спешно одевался. В уме он вычислил, что девчонка явно из вчерашних гостей, наверняка ночь провела у кого-то в койке, ночевать в доме осталось человек десять. Но какого черта она машину сперла? План созрел моментально: следует выяснить, из какой комнаты она вышла, после узнать у того, кто с ней спал, кто она и откуда.

Три минуты спустя Туча растолкал оператора (своего человека) в каморке, где стоят два монитора:

– Иди отдыхать.

Тот потянулся, потер ладонями заспанное лицо и ушел. Туча начал просмотр записей. Камеры были развешаны по всему дому и снаружи, фиксировали все коридоры, но не комнаты. Бабаджанов раскошелился на охрану и оснащение дома видеокамерами, когда на него было совершено покушение полгода назад прямо в доме. Тогда он благополучно избежал смерти, но и убийце удалось скрыться. Туча одновременно просматривал записи видеокамер на двух мониторах, чтобы не тратить время зря. Спальни на четвертом и третьем уровнях пустил в ускоренном темпе, отмотав на час назад. Ничего. Второй уровень и первый...

Зафиксирован вынос тела Галдина – это надо стереть...

Внезапно он подался корпусом к монитору, остановил за-

пись. Из кабинета жены Бабаджанова вышла девушка в розовом обтягивающем платье, босая... Туча обернулся к Чипу, стоявшему за его спиной, тот побагровел, рожу его перекосило от ужаса. Туча не потерял самообладания:

– Когда она туда вошла?

В сущности, он обратился не к Чипу, который не мог знать, когда и как девчонка очутилась в кабинете. Вопрос он задал самому себе. Туча вернул запись назад, надеясь, что девчонка все же вышла из соседней комнаты, а ему показалось, будто из кабинета.

Вот он открывает дверь ключом, пропускает Чипа и Дейла. Эти два родных брата воображение своей мощью не поражают, но парни они не мелкие, оба белобрысые, туповатые, тем не менее надежные. А неразлучны, как герои мультика, кстати, любят смотреть именно мультики, за что и получили клички. Вот Чип и Дейл выносят Галдина... Пауза... Теперь выходит девчонка, озирается...

– Она что, просидела там всю ночь? – похолодел Туча и снова посмотрел на Чипа, который пролепетал:

– Не может этого быть...

Туча презрительно фыркнул, но предъявить претензии и заехать ему по морде не имел права, потому что сам оказался шляпой. Он снова вернул запись назад, чтобы проверить то, что проверять уже не имело смысла. Туча открыл дверь, вошли Чип и Дейл, вынесли тело, девчонка...

– Она сидела там, – заключил он. – Мы ее заперли.

– Выходит, она видела...

Туча бросил на него зверский взгляд и, нажимая на кнопки пульта, нашел момент, когда девушка вбежала в кабинет. Она не выходила до тех пор, пока не втолкнули туда Галдина, после разборки дверь закрыли на ключ.

Наступила долгая изнурительная пауза, кровь ударила Туче в голову с такой силой, что едва не расколола ее на части, но он не сводил глаз с монитора, где остановил кадр с девочкой. После паузы он вскочил со стула и решительным шагом направился в кабинет, за ним шел Чип, оправдываясь:

– Мы отнесли Галдина, потом я и Дейл вернулись, замыли кровь...

– Кейс где? – на ходу спросил Туча.

– Там остался. Ты же сам говорил, Бабаджанова в круизе, никто туда не войдет... Это же наш штаб... Мы заперли... Ты не говорил забрать кейс.

– Открывай, – приказал Туча, остановившись у кабинета.

Он исследовал комнату вдоль и поперек, отметил, что следы убийства замыли тщательно. А вот туфельки на шпильке покоились на подоконнике, там же лежала и подушка с дивана. Шеф, вполне выдержанный человек, на этот раз не выдержал – запустил подушкой в стену. А потом кинулся к кейсу. Наметанный глаз сразу определил нехватку пачек, он яростно захлопнул крышку и застыл.

– Где мобила и ключи Галдина?

Чип осмотрел стол и под столом, виновато поднял плечи

вверх.

– А знаешь, чем это чревато? Она нас уничтожит.

– Девчонка? – с сомнением произнес Чип, впрочем, сомнение свое выразил слабо.

– Представь, девчонка. Помимо слов, у нее есть один большой козырь против нас. Ты знаешь, о чем я говорю. И когда она этот козырь предоставит... думаю, ей поверят. Найти ее немедленно! Сегодня же! Доставить на базу.

– Кого искать? Я ж не знаю...

– Иди, размножь ее физию, а я выясню, кто она и откуда.

4

Уцепившись за дерево, Дана содрогалась от рвотных позывов. Длились они нескончаемо долго, глаза уже вылезли из орбит, от перенапряжения разболелась голова, но конца им не наступало. Стоило ей посмотреть в сторону машины, начинался новый приступ, а ела она давно, пила тоже.

Силы все же иссякли, Дана сползла по дереву и сидела с ним в обнимку, закрыв глаза. Вроде бы даже заснула. Сколько времени прошло – неизвестно, она очнулась, огляделась и приуныла. Положение хуже некуда.

Итак, спасаясь, она угнала машину, а в ее багажнике лежит – ни много ни мало – труп Семена Кирилловича. И что теперь с ним делать? Это еще не все. Она видела убийство, украла деньги, мобильник и ключи. Спрашивается – зачем? Это не она, это гены виноваты, плохая наследственность. Папочка на выпивку крал бабки, шмотки таскал из дома, даже мебель выносил – пьянчуга. Но отдуваться-то за неудачные гены придется ей. Вопрос: как отдуваться?

Из первого вопроса вытекают следующие. Сумеют ее вычислить убийцы Семена Кирилловича, которые и положили в багажник его труп? Все-таки народу на вечере было много... Но она познакомилась с Виталиком, в доме которого убили человека, ее видели охранники, когда она уезжала... Вряд ли они смогут описать ее внешность, а Виталик знает

только имя.

Нет, ее не вычислят. Не станут же они обращаться в органы: будьте любезны, найдите наш автомобиль с трупом в багажнике и ту дуру, что его угнала. Исключено. А искать угонщицу обязательно будут. Им нужен труп, им нужна свидетельница, чтобы положить ее рядом с Семеном Кирилловичем. Стоп, стоп! Убийцы не знают, что она свидетельница. Так ведь все равно будут искать машину и угонщицу, которая теперь знает про труп в багажнике. И не стоит обольщаться, что ее не найдут.

– Я, кажется, неплохо влипла, – произнесла Дана вслух.

Главное, в голове царил беспредельный хаос, мешающий ей найти оптимальное решение проблемы. То, что ее жизнь в опасности, – это понятно, но каким образом избавиться от опасности – попробуй, придумай. Дана сказала себе:

– Надо успокоиться.

А что успокаивает в экстремальных ситуациях? Труд. Тяжелый, нелюбимый, каторжный физический труд. Дана решительно поднялась, не глядя в багажник, захлопнула его и начала вырывать те ветки, которые поддавались ее слабым рукам. Ветками, а то и просто высокими сорняками она маскировала машину.

От неожиданности Виталий резко сел, не успев понять, кто его будит. Он протер глаза, увидел Тучу и барским тоном спросил:

– В чем дело?

Не соизволив объясниться, Туча сунул ему под самый нос отпечатанный на принтере снимок:

– Это кто?

– Дана. А что?

– Почему она убегала от тебя?

– Откуда ты знаешь?

– Я задал вопрос, – требовательно сказал Туча.

– У нас... возникла размолвка, – с вызовом ответил Виталий.

– На почве чего возникла размолвка?

– Я не обязан...

– Обязан, – грубо перебил его Туча. – Я должен знать обо всех, кто посещает этот дом, а ее я не знаю. Итак, почему она убегала?

– Ну, трахнуть я хотел ее в охотничьей...

– Понятно. Кто она?

– Понятия не имею, познакомился с ней вчера.

– Ты догадался взять у нее номер телефона?

– Не успел, она дернула.

– С кем она пришла?

– С сестрой. Сестру я не знаю, – упредил Виталий следующий вопрос. – А теперь катись, дай поспать.

Туча вызвал охранников, пока их не сменили, показал фото Даны и спросил, помнят ли они, с кем пришла эта девушка.

– С высокой женщиной, – ответил тот, что останавли-

вал Нелю и Дану. – С огненно-рыжей. Она еще отчитывала девчонку, мол, больше не возьму тебя с собой, ты у меня как тормоз. Зовут ее... блин, она говорила...

– Неля, – подсказал второй охранник. – Неля Владимировна.

– Молодец, – похвалил его Туча. – Номер автомобиля, на котором они приехали, запомнили?

– Нет, – по очереди сказали охранники, а первый добавил: – Они не въезжали в усадьбу, но приехали на «Мерседесе».

– Скажите, эта самая Неля... как она вышла с территории усадьбы?

Первый пожал плечами, второй оказался более наблюдательным:

– Уехала с Веховым.

– Точно? – прищурился Туча.

– Сто пудов, – ответил он же. – У Вехова скат спустился, я остановил его и предупредил, а она сидела в его машине.

– Значит, сестричку бросила, – задумчиво произнес Туча.

Отчитывать их за то, что выпустили «бумер», бессмысленно. Автомобиль принадлежит Галдину, а он не раз выезжал отсюда по утрам, охранникам не пришло в голову, что машина угнана прямо из усадьбы. Плохо дело. Помимо трупа, в машине лежит ствол, из которого грохнули Галдина, к счастью, его тщательно вытерли. Глушитель Туча не положил в бардачок, намереваясь выбросить его позже, лучше,

когда отдельные части находятся в разных местах. Он развернулся к мониторам, включил записи:

– Покажите мне Нелю Владимировну.

На мониторах появилась лужайка и зрители.

– Да вот, вот она, – указал первый охранник.

– Спасибо, ребятки, можете идти.

Через двадцать минут готов был снимок Нели, Туча шел с ним к Бабаджанову, рискуя получить взбучку. Он постучал в дверь спальни, не услышал ответа, постучал вторично.

– Кто? – недовольно проворчал Бабаджанов.

– Туча. Извините, дело срочное.

Пауза. Возня. Дверь приоткрылась, но Бабаджанов не пустил в спальню Тучу, значит, там телка, хозяин явно не теряется в отсутствие жены. Что ж, мужик он видный, хоть и невелик ростом, представительный, не скупой, весьма любвеобильный. Экономя время, Туча показал ему фото Нели:

– Эта женщина кто?

– Откуда я знаю? – сонно пробормотал Бабаджанов.

– Разве не вы ее пригласили?

– Я ее первый раз вижу. Наверное, с кем-то приехала.

А в чем дело?

– Просто проверяю, кто вчера был у нас.

– Слушай, ты другого времени не нашел? – раздраженно процедил хозяин. – Например, чуть позже?

– Извините, – Туча сделал вид, будто смутился. – Я на всякий случай проверяю... Извините.

Он заглянул в кабинет жены Бабаджанова, где его ждали Чип, Дейл и Аслан, и, не переступая порога, коротко бросил:
– Поехали.

Дачный дом у деда – башня из четырех этажей. Первый этаж – глубокий подвал под всей площадью. Там он выдерживал яблоки и груши, зимой продавал их по мародерским ценам. Второй этаж – то есть наземный первый – две комнаты общей площадью двадцать квадратных метров. На третьем одна большая комната, и четвертый выстроен из досок, это было подобие зимнего сада, где дед выращивал рассаду. Башня мешала соседям, загораживая от солнечного света часть их огорода, они ссорились с дедом, писали на него жалобы, но потомок куркулей всегда оказывался прав, его не переспоришь, ему ничего не докажешь.

Замаскировав машину, в состоянии полутрупа Дана босиком пришла к деду. Он устроил дождь у себя на участке – нещадно лил воду из шланга, стоя в одних трусах, которые сильно растянулись и напоминали широкую юбку солнце-клеш. У деда была одна хитрость: чтобы напор воды был мощным, он кое-где перекрывал трубы, и, пока поливал свой участок, соседи не получали ни капли. Короче, дедуля не только у государства крал. Игнат Ефимович повернул голову, услышав, как кто-то идет по его территории, окинул внучку взглядом с ног до головы и строго поинтересовался:
– Откуда сорвалась?

– Приехала на электричке.

– Я не спросил, на чем ты приехала. Я спросил: откуда сорвалась? Почему босая? Почему бледная, как поганка?

– Оставила босоножки там, – Дана махнула рукой на дом. Он же запилит, если узнает, что потеряла дорожные туфли. – Дед, что поесть?

– В холодильнике посмотри. Молоко на столе.

Поджав губы, он продолжал орудовать шлангом. Дана вошла в первую комнату – это была одновременно кухня и прихожая. Налив в стакан молока, она вспомнила труп в багажнике и не стала пить, поставила стакан на стол. Поднялась на второй этаж, упала на тахту. Сил не было никаких, а спать не хотелось.

Дана взяла сумочку, достала пачки долларов. Пять штук. Вскрыв одну пачку, посчитала пятидесятидолларовые купюры – сотня. Ого. Надо было весь кейс забрать, раз уж влипла. На эти деньги, если сильно экономить, можно долго протянуть. А куда ехать, куда? Дана взяла мобильник Семена Кирилловича, просмотрела внесенные туда данные.

Зося! Он называл Зосей женщину, с которой целовался в ротонде. Не может же быть две Зоси? Нет, не может, имя-то не распространенное. А ведь она что-то знает, чем-то помогла ему. Если Дана правильно поняла, то и Зосе грозит смертельная опасность, об этом она говорила ему в ротонде.

Дана легла, обдумывая, что делать и как использовать Зося. Кстати! Есть ключ, который подкинул ей Семен Кирил-

лович, а подружка убитого наверняка знает, что открывает ключик. Вдруг этот ключик способен помочь выжить им обоим? Да, сама Дана не справится, значит, надо встретиться с Зосей. И следует поторопиться, не дай бог, батарейка сядет, а зарядного устройства нет. Звонить следует только с телефона Семена Кирилловича, чтобы Зося ей поверила, заинтересовалась и пришла на свидание. Она выбрала номер, нажала на вызов.

– Семен? – послышался глубокий голос, в котором звучало беспокойство. Связь была хорошая, такая не часто бывает в городе. – Почему не приехал? Что случилось?

– Извините, это не Семен Кириллович, – сказала Дана.

– А кто? – голос женщины дрогнул.

– Скажите, вы Зося?

– Да. А вы, простите, кто?

– Я знакомая Семена Кирилловича, меня зовут Дана. Нет-нет, вы не подумайте ничего такого... Видите ли, Зося, у Семена Кирилловича большие неприятности (не лепить же сразу: его убили, да еще по телефону!). Его трубка попала ко мне. У меня есть для вас кое-что... Нам надо увидеться.

В трубке долго молчали. Интересно, сколько у него на счету денег, вдруг не хватит? У Даны, например, деньги с телефонного счета быстро испаряются.

– Пожалуйста, Зося. Вы даже не представляете, как это важно, но я не могу говорить по телефону, понимаете?

– Где? – наконец согласилась Зося.

– Ой, я как-то не подумала... Давайте в баре «От заката до рассвета» встретимся? Это недалеко от центра...

– Я в курсе, где этот бар. Как я вас узнаю?

– Я буду... в светлых джинсах, кроссовках и в бирюзовой футболке, обтягивающей, с клинообразным вырезом...

– Довольно общие приметы. Нельзя ли поконкретней?

– Ах, да... Простите, я волнуюсь. Значит, так: я небольшого роста, метр шестьдесят, худая, но грудь у меня третий номер. Потом... волосы черные, я смуглая... Да! Волосы у меня будут распущены, длина до лопаток... прямые. Вот еще что: я заколю волосы справа заколкой в форме бабочки... синего цвета.

– Хорошо, я приду. Встретимся в десять вечера.

– Почему так поздно?

– Я люблю темноту, Дана, а сейчас темнеет поздно.

– Хорошо. А вас как я узнаю?

– Не волнуйтесь, Дана, я сама найду вас. Держите трубку Семена Кирилловича при себе. До встречи.

Дана положила мобилу на стол возле кровати и легла на живот. Надо хоть немного поспать, от этого улучшится соображение. Потом поехать домой, одеться, ну и подумать на свежую голову обо всем, что произошло.

Домработница Вехова сказала, что его нет дома, он вообще не ночевал, жена лишь промелькнула в глубине квартиры, разговаривать не соизволила. Туча с братьями и Асланом

за рулем ждали его во дворе, ждали молча.

Вехов не относился к господам под номером один, тем не менее с ним считаются, впрочем, это не совсем точное слово – «считаются». Вехов адвокат. Конечно, этого добра нынче расплодилось, как когда-то кроликов в Австралии, которые чуть не съели континент. Но Вехов относится к редчайшей породе юристов-троглодитов, отличающихся обаятельной, подкупающей наглостью, он умеет так перевернуть законы с ног на голову, так запудрить всем мозги, что остается лишь руками развести. Практически у него не бывает поражений в судах, он цену себе знает, а поскольку бизнесмены, имеющие проблемы, ведут операции типа «перехват Вехова», то цена его завидно растет. Меньше всего Туча хотел бы связываться с ним, но в данном случае это неизбежно, значит, Вехову не повезло.

Он въехал во двор около двенадцати часов дня, Туча и компания успели поспать по очереди. Вехов сделал круг и остановился у подъезда, Туча поспешил к нему, пока он не вышел из машины:

– Добрый день. Не могли бы вы уделить мне пару минут?

– По какому поводу? – деловым тоном спросил Вехов, видно, решил, что Тучу прислал Бабаджанов по спешному делу.

– Повод мизерный, – натянул улыбку Туча. – Разрешите?

– Да-да, садитесь.

Туча плюхнулся на сиденье рядом с ним, снова натянуто

улыбнулся:

– Мне необходимо встретиться с Нелей.

На самодовольной физиономии Вехова появилось кислое выражение: не успеешь разок юркнуть налево, а об этом уже все знают. В следующий миг он изобразил недоумение, его лицо стало заносчивым. Ведь перед ним кто? Какой-то охранник, можно сказать, прислуга. Туча считывал эти изменения без труда, он был неплохой физиономист, сам же остался бесстрастным:

– Мне нужен адрес Нели.

– Почему ты ко мне обращаешься? – излишне раздраженно поинтересовался Вехов.

– Потому что вы ее знаете.

– Вчера познакомился, – внес уточнение Вехов, по-прежнему не называя адреса.

– Может быть, – пожал плечами Туча. – Но она уехала с вами, думаю, ночь вы провели у нее.

– Слушай, какое твое дело, где я провожу ночи?

– Мне абсолютно все равно, где и с кем вы проводите ночи, господин Вехов, – апатично произнес Туча.

Но взгляд направил на собеседника далеко не апатичный, а острый, орлиный. Возможно, такое впечатление производили близко посаженные глаза и тонкий горбатый нос – истинно орлиный клюв, но Вехов за секунду уловил скрытую угрозу в Туче, посему подобрел:

– Почему ты интересуешься ею?

– Я интересуюсь всеми, кто впервые попал в дом Бабаджанова, работа у меня такая. Так какой у нее адресок?

Вехов назвал, обмолвившись, что квартиру она снимает. Туча вышел из автомобиля, пожелав ему удачи. Вернувшись к своим людям, он бросил Аслану:

– Поехали на Ломоносова.

– Стирать его будем? – спросил Чип.

– Позже, – ответил Туча. – Сначала Нелю Владимировну.

5

Не открывая глаз, находясь на границе между дивным сном и безобразной явью, Дана зашарила рукой по столику – звонил телефон. Но трубка оказалась не та, Дана поняла, что телефон в сумке, которая лежит тут же на тахте, достала его и поднесла к уху.

– Данка, куда ты вчера пропала? – Оптимизм, восторг, радость – все эти чувства выдала Неля всего в единственном вопросе.

– Это ты... – проямлила Дана, поморщившись.

– Как у тебя? Подцепила кого вчера?

Сна как не бывало. Основные эпизоды кошмарной ночи вспыхнули в памяти одновременно, вызвав невероятную жажду.

– Подцепила, – угрюмо сказала Дана, имея в виду труп в багажнике.

– И мне повезло, – хвастала Неля. – Такого мужика оторвала... В постели он не очень, сорок шесть все же сказываются, но с бабками. Предложил недельку провести в Сочи.

– Уже успела переспать с ним? – равнодушно произнесла Дана, про себя ругая подружку, не давшую ей поспать и вернувшую к кошмару. А ведь она уснула с таким трудом. – Не поторопилась?

– Промедление смерти подобно, – хихикнула Неля. Дана

терпеть не может ее банальные изречения. – Тут главное – угадать время. Извини, звонят, кто-то пришел.

Дана положила трубку на тахту и задумалась. Свежая голова быстро подытожила все «прелести» создавшегося положения, прогноз был неутешительный, нет, прогноз препоганый. Есть выход – пойти в милицию. Дана сразу подумала о Зосе, которая твердила в ротонде, что ее кто-то убьет. Почему она не обратилась в милицию, да и Семен Кириллович? Они же понимали грозящую им опасность, но не обратились. Может, есть какие-то причины? Еще: они оба были на вечере у Бабаджанова, и прямо в доме табачного капитана (ему принадлежит табачная фабрика) кто-то убил Семёна Кирилловича. Разве не странно? Неужели Бабаджанов такой бравадный дядя, что не боится косить народ у себя в доме? Почему Семёна Кирилловича не вывезли в лес и не грохнули там? Впрочем, это неважно. Человека убили, Дана видела это собственными глазами, благополучно сбежала, угнав машину вместе с трупом. Вывод: раз с Семеном Кирилловичем расправились, расправятся и с его женщиной, которая ему чем-то помогла и теперь очень боится. Поэтому сначала следует встретиться с Зосей, отдать ей замшевый футляр с ключом и связку ключей (наверняка от квартиры), отдать деньги... Нет, деньги надо оставить себе, Дана они пригодятся, это компенсация за моральный ущерб. А потом, может, Зося предложит что-нибудь дельное для ее, Даниного, спасения.

Дана надела старые джинсы, рубашку и кроссовки. В этой

исключительно рабочей одежде она обычно стояла на рынке с пучками петрушки и мешком редиски. Розовое платье и сумочку уложила в пакет, спустилась вниз, дед пил чай.

– Я поехала, – сказала ему Дана.

– Купи колонки. – Игнат Ефимович положил на стол деньги. – Большие. Громкие.

– Колонки тебе для чего?

– Для соседей. Сосед справа (которому дед загородил башней огород) мастерскую устроил во дворе. С утра до ночи пилит металл, на нервы действует, покоя от него нет. Я ему тоже устрою музыкальный концерт до одиннадцати. И буду пытаться его барабанами, пока не научу уважению. Мои колонки слабоваты. Вернешься когда? Мне завтра на базар...

– Завтра не могу, дед. Работу нашла.

– Работу? Наконец-то. Человек обязан работать, принести пользу себе и обществу. Получишь деньги, заплати за квартиру.

– Заплачу, – кинула через плечо Дана, выходя.

Ну и дед! Колонки ему для соседа! И не подумал, что, делая гадость одному, усложнит жизнь всем, себе тоже. Теперь скорее на электричку, она должна успеть.

– Кто? – спросила Неля.

– От Вехова, – сказал Туча. Чип и Дейл стали по бокам двери. – У него осталась ваша вещь, он просил завезти.

Не подозревающая обмана Неля сунула мобильник в кар-

ман махрового халата, откинула назад мокрые волосы и защелкала замками. Стоило ей приоткрыть дверь, как в прихожую ввалились трое мужчин, грубо потеснив ее и предупредив:

– Не вздумай поднять крик.

– Вы кто? – отступала Неля, перепугавшись до смерти. От страха у нее голос снизился до шепота, куда там звать на помощь. – Что вам нужно?

– Спокойно, спокойно! – выставил перед ней ладони Туча. – Не надо психовать. Нам нужна твоя сестра. Где она?

– Какая сестра? – продолжила отступать Неля в комнату. – У меня нет сестры...

– А с кем ты была у Бабаджанова?

– Я? – Память у Нели будто отшибло. – Я была?

– Ты, ты, – наступал Туча. – Ты пришла вчера с девушкой по имени Дана...

– Так она не сестра... подруга...

– Хорошо, – терпеливо кивнул он, будто разговаривал с умственно отсталой. – Как найти твою подругу Дану?

– Зачем она вам? – запинаясь, произнесла Неля. – Дана что-то натворила?

– Нужна мне, очень нужна, – внушительно сказал Туча, не ответив – зачем ему Дана. – Адресок какой у нее?

– Адрес? То есть, где она живет?

– Дурой не прикидывайся!

Из более-менее вежливого он превратился в озлоблен-

но-нервного. Ощерился, как собака, и толкнул Нелю в плечо, та упала, к счастью, на софу, завывала, конечно, но не от боли.

– Заглохни! – гаркнул Туча. – Быстро адрес!

Неля поняла, что дело серьезное, назвала адрес, надеясь, что три сволочи уберутся, а она позвонит Данке. Туча повернулся к парням:

– Поезжайте. Сами справитесь, а я с этой побуду.

Он закрыл за ними дверь, вошел в комнату, где Неля еще не пришла в себя, подбоченился и противно улыбнулся:

– Поставь чай.

– Нашел прислугу, – поднялась Неля, запахивая халат и ежась.

Он пришел с ней на кухню, там уселся без приглашения на стул, скрестил руки на груди.

– Кто родители твоей подруги? Где работают?

– Она сирота, – поставив чайник на плиту, сказала Неля, не решаясь присесть, а то получится, будто идет с ним на задушевную беседу.

– Врешь.

– К сожалению, нет. Отец умер, мать неизвестно где. Есть дед...

– Как его найти?

– На хрен мне какой-то дед Даны! Я с ним незнакома, ни разу не видела и не знаю, где, в каком городе он живет.

На этот раз Неля солгала. Не выдавать же неизвестно кому родственников Данки. А ведь он неспроста уперся в по-

дружку.

– Ты что, жить у меня собрался?

– Если понадобится, проживу.

Неля сглотнула комок в горле, не нравилось ей все это.

Дана поменяла две сотни баксов на рубли, домой прикатила на такси, водитель подбросил ее к самому подъезду. Когда она выходила, во двор въехала машина, но девушка скрылась в подъезде.

– Гони, Дейл, за ней, это она! – сказал брату Чип.

– А че мне с ней делать? – открывая дверцу, спросил тот.

– Познакомься, – желчно сказал Чип. – Придумай что хочешь, обмани, но вытащи девчонку сюда, а здесь мы ее...

Аслан затормозил, но Дейл вылетел на ходу и помчался в подъезд. Пока он поднимался, Дана открыла дверь, поздоровалась с соседом, спускавшимся вниз, и вошла в квартиру. Дейл вернулся назад:

– Она в квартире. Сосед помешал. Попробуем, как с другой?

– Не пройдет номер, – отказался Чип. – Меня она видела, да и не откроет чужим. Еще ментов вызовет.

– Мы залепим дверной глазок.

– Я сказал: нет! – повысил голос Чип, после Тучи главный был он. – Нельку мы поймали на Вехова, а эту на кого ловить? К тому же в квартире могут быть люди, короче, рисковать не будем, подождем, когда она выползет.

За каждым, кто входил в подъезд, следовал Дейл. Чип опасался, что девчонка, обнаружив труп в багажнике, вызвала милицию на дом. Но в квартиру Даны никто не входил. Туча дал команду по мобиле ждать хоть до следующего вечера, не век же она будет дома сидеть.

Так долго ждать не пришлось, в девять Дана вышла из подъезда, как раз начало смеркаться. И так удачно пересекла двор – шла на автомобиль, озабоченно-задумчивая, ничего не замечая вокруг. Чип и Дейл, ухмыляясь, приоткрыли дверцы, готовясь к нападению. Однако пигалице повезло! Во двор въехали три мотоциклиста, поприветствовали девушку гудками, она подбежала к ним, переговорила и двинула на улицу, где было полно народу. Аслан поехал за ней.

Дана села в автобус, через несколько остановок вышла, с остановки не уходила, вскоре пересела в троллейбус. Приехала в центр города, где Аслан едва не потерял ее из-за пробки – в центре даже в это время дорога заполнена автомашинами, не говоря о пешеходах. Увидев, как она перебежала на светофоре дорогу, и определив ее маршрут, он свернул в первый же переулок.

– Потеряем, – занервничал Чип.

– Не потеряем, – пообещал Аслан.

Он маневрировал среди автомобилей, удачно избегая аварий, сворачивал несколько раз, наконец вырулил на перекресток. Дана следовала вдоль улицы, перпендикулярной

центральному проспекту. Какое-то время Аслан ехал за ней, движение здесь тоже было непростое, а девушка свернула на бульвар. Пришлось повторить маневр с объездом, когда же и он выехал на бульвар, Даны нигде не было видно. Слегка стемнело. Чип матерился:

– Я же говорил: потеряем! Где теперь искать ее?

Аслан упорно глазел по сторонам, медленно проезжая по бульвару, особенно пристально он высматривал Дану в переулках, в одном и увидел ее.

– Есть! – оскалился он, крутанув руль.

Внаглую Аслан переехал пешеходные тротуары и газоны с цветочками, распугав немногочисленных прохожих. Теперь везение на их стороне – переулок был безлюдный. Аслан догнал девушку, Чип и Дейл буквально на ходу выскочили из машины.

Дана только взвизгнула, ощутив, как ее схватили грубые руки, в голове пронеслась мысль: насильники. Она набрала полную грудь воздуха, чтобы закричать, но рот ей перекрыла шершавая ладонь, сдавила челюсти, прижала голову к груди, аж позвонки хрустнули. В следующий миг ноги Даны оторвались от земли – ее подхватили за бедра, и она очутилась в воздухе.

Испуг испугом, а жить-то хочется! Дана сопротивлялась всем телом, к тому же у нее были свободны руки, ногтями она раздирала ладонь, сжимавшую рот, брыкалась, высвобождала голову. Ей удалось освободить рот, она крикнула:

– Помо... – но ладонь снова перекрыла рот.

Дана впилась в руку зубами, кажется, прокусила ее, сильник зарычал и отпустил ее голову, однако второй рукой держал Дану под грудью. Она закончила крик о помощи:

– ...гите!

Ее встряхнули, будто хотели вытрясти душу из тела, она заорала во всю мощь, на какую была способна:

– Спасите!!! Уби... – И будто кто-то подсказал: на «убивают» не прибегут тебя спасать. А на что прибегут? Да какая разница! – Тонем!!! А-а-а!!! Тону! А-а-а!!!

Ее запихивали в машину спиной, но Дана, как морская звезда, раскорячила руки-ноги, в авто не пролезала, сильные мужики не могли согнуть ей конечности. Одновременно она вопила так истошно, как на костре инквизиции, крича без перерыва одну букву – «а».

Вдруг лицо ее встретилось с кулаком – не иначе, потому что после удара ей стало все равно. Дана рухнула на пятую точку возле машины, локти ее зацепились за кресло, правда, сознание не потеряла. Перед глазами пошли круги, размылось все вокруг, тем не менее она видела, как к ней склонилась темная масса, грубые руки подхватили ее под мышки и приподняли...

Неожиданно руки ее отпустили, Дана опять грохнулась на землю. Отпустили как-то внезапно, словно передумали заталкивать ее в машину. Потом черная масса отлетела в сторону, как акробат в цирке. Плохо соображая, лишь почуяв,

что она свободна, Дана стала на четвереньки, отползла к носу машины – подальше от распахнутой дверцы – и начала подниматься на ноги, держась за капот, заодно собирая силы для побега. И вдруг замерла в полусогнутой позе – зрелище было достойно того.

Большой-пребольшой амбал орудовал кулаками, то есть бил похитителей, надо сказать, те тоже дрались зверски. Один из похитителей очутился у ног Даны, видно, получил достаточно, чтобы не подняться сразу же и ринуться в бой. Он со стонами перекачивался с боку на бок, а Дана сквозь сумрак сознания отметила, что его рожа ей знакома. Да вспомнить, где именно видела эту рожу, ей помешал третий, сидевший в машине.

Дверца водителя приоткрылась, прямо перед Даной появилась рука с пистолетом. Она поняла, что водитель выстрелит в ее спасителя. Недолго думая, вернее, вообще не думая, Дана обеими руками, одновременно навалившись телом, захлопнула дверцу! То есть не захлопнула, но по воплю боли из машины догадалась, что ее цель достигнута – руку она ему отбила, да и пистолет выпал, валялся у ее ног. Дана наклонилась поднять его... и тут кто-то схватил ее поперек туловища, оторвал от земли. Ничего не соображая, Дана очутилась в нескольких шагах от машины. Разумеется, она закричала, полагая, что это один из похитителей схватил ее.

– Тихо! – сказал некто над ней. – Бе... бежим!

– А моя сумочка? – пискнула Дана, осознав, что это боец за ее честь.

Он поставил ее на ноги, Дана мигом рванула к машине, подобрала сумочку, затем подбежала к спасителю. А водитель уже тянулся к пистолету... Тяжелая рука спасителя схватила девушку за кисть и потянула за собой. Тут уж Дана припустила изо всех сил. Откуда они только взялись!

Бежали через дворы, не разбирая дороги, не успевая притормозить, на скакивали на преграды из кустов, стволов, скамеек, заграждений. Спаситель (надо же, еще есть такие, способные вступить за слабую девушку) крепко держал кисть Даны в руке, а она болталась за ним, как хвостик. Наконец выбежали на тихую улочку, он остановился.

– Все. Пока.

Дана только сейчас рассмотрела размеры своего спасителя. Он был огромный, как... у нее даже не нашлось сравнения. И рост, и ширина, и ручищи просто отпадные. Не поймешь – толстый или накачанный. Пожалуй, толстый. Если бы она встретила его при других обстоятельствах и великан попытался бы с ней заговорить – бежала б от него, не оглядываясь. Сынок Кинг-Конга или близкий родственник снежного человека, он настолько впечатлял величиной, что даже не разобрать было, каков он на лицо. Дана ему по грудь! Вообще, откуда берутся такие громадины? Но когда он зашагал прочь, Дана опомнилась и кинулась за ним:

– Постой! Пожалуйста, подожди!

– Че... че... чего тебе?

– Бросишь меня теперь? А если я встречу их опять? Мне очень страшно... Ты не мог бы меня проводить?

– Ку... ку... куда?

Тут она и вспомнила, что шла-то на свидание с Зосей.

– В бар «От заката до рассвета».

– Д... домой иди, а не... по ба... барам ходи.

«Бедный, сам насмерть перепуган, оттого и заикается», – подумала она.

– Я иду в бар не ради тусовки, у меня там важная встреча с одной женщиной, очень важная, отменить не могу. Прошу тебя, пойдем со мной! Я угощаю. Это будет моя благодарность. Тебя как зовут?

– Бо... Богдан.

– А меня Дана. Пожалуйста, Богдан...

Было видно, что идти ему не хочется, однако он согласился:

– Ладно, по... пошли.

Небрежная одежда, уничтожающая барабанные перепонки музыка, дикие танцы, мелькающий свет – в общем, калейдоскоп, свойственный молодежному бару, – вот что она увидела, когда вошла. Зося чувствовала себя ископаемым среди бешеного молодняка, агрессивно косившегося на нее. Она выбрала столик в темном углу, откуда был виден вход, и ждала. Девушка по имени Дана запаздывала – пошел один-

надцатый час, Зося не знала, что по этому поводу думать. Она не понимала, почему Семен отдал трубку какой-то, судя по голосу, девчонке, что вообще все это значит, почему он сам не даст о себе знать?

Зося напряглась, вытянула шею, увидев, как по лесенке спускается девушка, но цвета одежды в мелькающем свете не разглядела. Кажется, кофточка на ней голубая или бирюзовая, как и говорила Дана. Волосы болтаются сзади, темные... заколка в форме бабочки. Девушка выбрала столик, потянула за рукав молодого человека совершенно жуткого вида, нет, он просто чудовище. «Кто же он?» – занервничала Зося. Оба уселись.

Есть один способ убедиться, та ли это девушка, – позвонить на мобильник Семена. Зося достала запасную трубку, которой редко пользовалась, набрала номер, следя за девушкой. Ага, та достала мобильник, поднесла к уху.

Зося отключилась, не произнеся ни слова в трубку, и раздумывала, что делать. С кем пришла Дана – неизвестно. А если это ловушка и этот тип пришел за ней? Почему она позвонила с трубки Семена именно ей? Да, подходить к Дане рискованно. Когда девушка и чудовище подозвали официантку, Зося поднялась и ушла из бара.

6

Дана улыбалась спасителю, не забывая вертеть головой по сторонам. Где же Зося, какая она? К сожалению, она не рассмотрела ее в ротонде.

Тем временем Богдан, положив громадные кулачищи на стол, тоже завертел головой, короче, голова-шар почти без волос вертелась на плечах. Он сильно смахивал на гориллу, особенно когда недовольно поморщился и произнес:

– Отстой.

– Это ты про клуб? – спросила Дана.

– Угу. Г... г... где твоя зна... комая?

– Обещала прийти. – Дана достала мобильник и вздохнула. – Двадцать пять минут одиннадцатого.

– Что эт-тим надо было?

– Ну, что мужчинам нужно от женщины? Изнасиловать хотели...

Она задумалась, невольно припомнив рожу у своих ног. Именно факт, что где-то она уже видела этого, с позволения сказать, человека, подсказывал, что нападение не было случайным, и заставил ее искать рожу в памяти. Ведь она видела его, видела! И совсем недавно. Он из прошлого? В прошлом Дана не нажила недругов, тем более в лице мужчин, которым бы захотелось отыграться таким гнусным способом. Жизнь ее текла однообразно, как у миллионов людей с хлип-

кой надеждой на завтрашний день. Значит, он из очень близкого прошлого. Но, кроме вчерашнего вечера и последующей ночи, ничего не вспоминалось. Эти часы были кошмаром, который еще не изжит, чем закончится – тоже неизвестно. Но откуда-то она его знает, вернее, не знает лично, а просто видела. Это стало важным – вспомнить, Дана сосредоточилась.

Вечер, нарядные люди, столы на лужайке... Семен Кириллович. Дурацкий концерт, нахал Виталий, побег, комната. Ноги, ноги, ноги... Труп и Дана, ночь. Рассвет, вынесли труп, она выбралась из комнаты, спряталась под лестницей. Двое вошли... вошли двое и поднялись по лестнице. Она их не запомнила, да и не до того было. Потом... автомобиль, собаки, мужчина...

– Господи, это он! – вскрикнула Дана.

– А? – наклонился к ней Богдан, которому показалось, что она обратилась к нему, а из-за громкой музыки он не слышал.

Принесли пиво и апельсиновый сок, но Дана к соку не притронулась. Все встало на места. Гнался за автомобилем с трупом Семена Кирилловича он! Дана подняла безумные глаза, при этом пальцами прикрыла рот:

– Они нашли меня. Так быстро... Значит, убьют?

– Ты п... п... про что?

– Те, кто меня похищал... они... они... хотели убить меня.

Богдан недоверчиво покосился на нее и хмыкнул, видимо, решил: кому ты нужна, чтобы тебя убивать.

– Не веришь, – упала духом Дана. – Но это правда. Они хотят меня убить. Я знаю их тайну.

– Т... тайны, сек-креты! – ухмылялся Богдан. – Умора! Ск-коро твоя придет?

– Ты что, заикаешься? – очнулась Дана, хотя открытие, что ее уже нашли убийцы, засело внутри ежом и кололо ядовитыми иголками. Однако надо и горилле Богдану уделить внимание, с ним ведь спокойней.

– До... п... пустим, – пожал он плечами. – Мне пора.

– Не уходи! Куда ты так спешишь? У тебя дома дети?

– Нет.

– Тогда давай еще немножко подождем? Или нет... я позвоню ей. Еще что-нибудь хочешь? Здесь вкусные...

– Нет, – категорично положил он конец угощению.

Она достала мобильник Семена Кирилловича. Долго слушала, Зося не ответила. Дана снова сделала вызов.

– Черт! Почему она не отвечает?

Богдан смотрел на нее со скепсисом, будто она специально все придумала, чтобы не торчать в этом «отстое» одной.

– Чем ты занимаешься? – продолжая звонить Зосе, спросила Дана.

– Шу... шумно.

Дана подумала, что заикание мешает ему в общении, поэтому он такой немногословный. А ведь действительно шум-

но. Видимо, Зося не придет, а на звонок не отвечает, потому что и ее... Нет! Не думать о плохом! Хуже, чем есть, уже не будет. И так довольно: угон автомобиля, похитители, тело в багажнике, труп уже сутки, он наверняка разлагается. Что делать?

– Ладно, пошли, – сказала она.

Едва вышли на улицу, Дану охватил страх до дрожи в коленках. Богдан, буркнув «пока», пошел своим путем, она побежала за ним, не поспевая. Ему достаточно сделать шаг, а ей-то три приходится делать. Он остановился:

– К-куда?

Она поняла, что он спросил, куда ей.

– На троллейбус.

Довел ее до остановки, но, когда подъехал троллейбус и Дана занесла ногу на первую ступеньку, ежик внутри распушил иголки. А увидела она сцену: она пересаживается на автобус, к ней подбегают похитители и убивают. Если на пересадке не убьют, то когда сойдет на своей остановке. Если не на остановке, то когда будет идти домой. Если не по дороге, то во дворе. Если...

– Девушка, вы думаете садиться? – подтолкнул ее пожилой человек.

– Нет! – панически выкрикнула Дана и понеслась догонять Богдана.

Догнала. Пристроилась сзади и бежала. Он почувствовал что-то, остановился и обернулся. Нельзя сказать, что обра-

довался, увидев Дану:

– Чего н... н... надо?

– Прости, Богдан, я боюсь одна возвращаться домой. Ты мне не веришь, а меня, честное слово, те уроды хотят убить. Видел, у водителя был пистолет?

– Поч-чему не у... убили?

– Наверное, хотели заставить меня сказать, где находится... одна вещь. Потом убьют, обязательно убьют. Богдан, не бросай меня. Ты же мужчина, а настоящие мужчины не бросают женщин в беде...

Дана, уговаривая его, постепенно угасала, так как Богдан явно не мечтал совершать подвиги ради прекрасной дамы. Он постоял, закатив глаза к небу, потом опустил голову, глядя на букашку Дану, и решительно отправился восвояси. Она за ним. А куда ей деваться? Он спас ее? Спас. Пусть теперь и несет бремя спасителя. Он словно угадал ее мысли, слыша шаги за спиной, развернулся, свирепо рывкнул без заикания:

– Ты лгунья.

– Нет. Я вообще не вру. То есть иногда. По мелочам. Неужели тебе трудно мне помочь?

– Я по... помог. Отстань.

– Не отстану, – набычилась Дана. – Потому что... боюсь.

Он попыхтел и вдруг сказал:

– Поехали.

– Куда? – обрадовалась она.

– К... к тебе.

Ну, вот это другое дело, а то разупрямился, да не на ту напал. Дана подстроилась под его шаг, так они вернулись к остановке, сели в троллейбус на одно сиденье. По дороге она, чтобы мало-мальски задобрить его, задала кучу вопросов:

– Ты такой большой... Случайно не занимаешься борьбой сумо? (Он отрицательно качнул головой.) А как ты оказался там, ну, где на меня напали?

– У по... подруги был, – неохотно, но на контакт Богдан пошел.

Дана чуть не выпалила: «А твоя подружка тоже из породы горилл?» Но ее «вежливый» вопрос прозвучал бестактно:

– У тебя есть девушка?!! – (Он подарил ей презрительный взгляд и не ответил.) – А какая она? Тоже большая? (Еще один взгляд, говоривший: как ты мне надоела.) Извини, если я лезу не в свои дела, но мне хочется знать, кто мой спаситель. – (Ноль внимания.) – А ты один живешь? (Утвердительный кивок.) А сколько тебе лет?

– Д... двадцать де... девять.

– А мне двадцать шесть скоро будет. – Дана ехала некоторое время, глядя в окно, а там, если не смотреть на свое отражение, видишь темноту, ну и красочные огни реклам. Потом ее потянуло на откровение: – Никто не верит, что я уже взрослая, даже дед. И мне иногда кажется, что я задержалась в детстве. Наверное, это произошло подсознательно,

мне так удобно, потому что спрос с меня невелик. Я сама еще не определилась, что мне нужно, чего хочу, к чему надо стремиться. Так не должно быть, но было. А со вчерашнего вечера я знаю точно, чего хочу. Жить. Меня устроит жить так, как жила раньше, без стремлений, тщеславных планов... Может, я неудачница?

Она повернулась к Богдану, а тот смотрел перед собой с видом полного отсутствия присутствия. Как глухой! Дана не нашла, о чем еще спросить нелюдимого Богдана, которого обидела природа внешностью, посему достала мобильник Семена Кирилловича и набрала SMS-сообщение Зосе: «Позвоните. Срочно. Дана».

На нервной почве Неля выкурила пачку сигарет. Субъект без имени, сухой, как засушенный сорняк из гербария, с тараканьими глазками, с тонкими губами ящерицы следил за каждым ее шагом. В туалет провожал, будто по дороге туда ее могут выкрасть спецслужбы! И требовал дверь оставить открытой, будто Неля способна уплыть через канализацию. Не зная истинной цели «сорняка», она панически боялась его, всякий раз пугалась, когда он делал какое-либо внезапное, пусть незначительное движение.

Неля редко пользовалась мозгами, хорошенькой женщине они только мешают. Но, оказавшись в положении заложницы, подключила все свои извилины, к тому же интуиция подсказывала, что надсмотрщик опасен. До ночи она зани-

малась вычислениями, что ему надо. Понятно: Дану. Зачем? Ясно, что не о тонкостях любви поворковать. Двоих он отправил за Даной, а сам караулит Нелю. Ну, выяснили адрес – катитесь на все четыре стороны. Так нет же! Значит, Неля ему тоже нужна. Зачем? Не для секса же, тем более никаких поползновений он не делал. Но торчит у нее. Что будет, когда те двое найдут Дану? Судя по всему, ничего хорошего. Однако «ничего хорошего» тоже имеет множество вариантов, какой из них ждет ее, Нелю.

Вечером, часов в десять, ему позвонили. Услышав только его фразы, Неля обалдела:

– Как?.. И вы не смогли?! Втроем?! Найдите ее... Я сказал: найти! Возвращайтесь по адресу, она придет... Нет, отменяю. Гасите сегодня же... Потом будем искать «бумер»... Не переживай, «бумер» не наш, а его.

Может, речь шла не о Дане, но Неля подумала о ней. Особенно резанула фраза «гасите сегодня же». На жаргоне это, кажется, смерть. Куда ж влезла ее подружка? И при чем тут Неля? В одном она была уверена: Дана по доброй воле в паршивую историю не влипнет, потому что сто раз подумает, прежде чем это сделать. Следовательно, произошло недоразумение или случайность.

Вывод: спасет ее, Нелю, только милиция. А как позвонить? Телефон в кармане халата, надсмотрщик, к счастью, не обыскивал ее, наудачу и никто из знакомых не звонил на мобилу. Пока «сорняк» разговаривал, она двинула в ван-

ную комнату, там, повернув краны, успела выключить телефон и быстро сунула мобильник в пачку со стиральным порошком. Дверь распахнулась.

– Мне подмыться нельзя? – процедила Неля, глядя на него в зеркало. – Я душ хочу принять перед сном!

– Принимай, – сказал он. – С открытой дверью.

– Ты параноик, – зло бросила Неля, но ему на оскорбления было плевать.

Она драила тело мочалкой, сама же думала, как позвонить – «сорняк» стоял к ней боком на пороге ванной комнаты, опершись рукой о дверной косяк, и курил. Создалось впечатление, что ему ничего не стоит задушить ее, если она посмеет нажать на кнопки трубки.

Неля постелила постель и улеглась, он уселся в кресло, ноги положил на столик – свинья. Только бы заснул. Как на грех, Неля не держала дома лекарств, только йод. У нормальных людей то голова болит, то бессонница мучает, то колет-режет в боках, Неля же на редкость здорова, даже простужается нечасто. А как было бы хорошо подсыпать этому засранцу снотворного... Есть великолепный способ уконтропутить мужика – затрахать его. После работы в постели бодрствование отступает, и далеко, но этот тип по всем признакам импотент. Надо подождать, когда он заснет, и выбежать из квартиры. Должен же он заснуть в конце-то концов? Неля спать не собиралась, какой тут сон!..

У торца дома, после которого начинался двор, Дана задержалась и спросила Богдана:

– Ты случайно машину не запомнил? Вдруг они меня во дворе ждут?

Он отстранил ее, вошел во двор. Вернувшись, сказал, к радости Даны:

– Чи... чисто. Идем.

– Только проводи меня до двери, ладно? – бежала она рядом. – Я живу вон в том доме... на пятом этаже...

В ответ – ни гугу, громила двигался точно по указанному маршруту. Между прочим, он ей тоже надоел. Невежливый, неотесанный чурбан, какая идиотка с ним встречается – интересно на нее посмотреть. Дана хоть и рассуждала про себя по поводу Богдана, а по сторонам глазеть не забывала, потому что ежик внутри постоянно колотил иголками. Она же и увидела вырвавшуюся тень из-за развешанного белья, тень стремительно пошла на них, за ней выросла вторая. У Даны нехорошо заныло внутри, она толкнула Богдана:

– Кажется, это они... Бежим!

А куда бежать? Только в подъезд. Богдан, конечно, производил впечатление тупого и очень тупого, но, глянув в сторону бегущих к ним мужчин, он припустил не хуже Даны, которая уже набирала код на дверном замке. В стену что-то цокнуло, осколок от кирпича попал Данае в щеку, она взвизгнула, но Богдан втолкнул ее в подъезд, забежал сам, захлопнул дверь и метнулся к лифту.

– Лифт никогда не работает, – сообщила Дана.

Оба помчались наверх, а внизу щелкнул входной замок, значит, код преследователи знают.

– К... ключ до... достань! – на бегу прошипел Богдан.

Дана и без него догадалась, шарила рукой в сумочке. Вдруг как цокнет что-то по перилам! Богдан толкнул Дану к стене, она больно ударилась плечом, но не остановилась. Взбежали на этаж, слыша, как топают преследователи внизу, поднимаясь по лестнице. Дана вставила ключ в замочную скважину, повернула. Потом второй ключ... Дед, куркуль старый! Замков понаставил! Кому нужно его барахло?

Дана распахнула дверь квартиры, не успела сказать Богдану «заходи», а он буквально в шею толкнул ее внутрь. Она не устояла на ногах, упала плашмя и проехала по паркетному полу, как по льду, прямо в комнату. Ехала бы и дальше, однако лоб столкнулся с ножкой старого кресла. Бах – это захлопнулась дверь. Дана приподнялась и оглянулась. Темно.

Богдан стоял, прижавшись к стене и слушая, что делается на площадке. Изоляция в подобных домах ни к черту, поэтому некоторое время доносился неразборчивый шепот, потом настала тишина, но было непонятно – ушли подонки или затаились. Богдан осторожно двинул вперед, наткнулся на ноги Даны, она тихо ойкнула, он присел:

– С... с... свет г... где?

– Сейчас... – Кряхтя, она поднялась.

Когда вспыхнула люстра, Богдан плотно закрыл дверь

в прихожую, двигаясь осторожно, бесшумно.

– Чего боишься? – спросила Дана, но Богдан приложил палец к губам, на всякий случай и она заговорила шепотом: – Им теперь до нас не добраться. Идем на кухню? Страшно есть хочется.

Когда Дана нервничала, у нее просыпался зверский аппетит, слава богу, на фигуре это не отражается. На кухне он взял ее за подбородок и выдернул осколок кирпича, торчавший из скулы.

– Ой! – поморщилась она от боли, посмотрела на его ладонь с осколком и пожалала плечами. – Откуда? А что это цокало?

– Пу... пули.

– Что-что? – вытаращила и без того круглые глаза Дана. – Пули? Шутишь, да? Выстрелов же не было...

– С... стреляли че... через глушитель. И по тебе. В голову. П... пуля попала в стену на у... уровне твоей го... головы. Осколок впился в щ... щеку.

– Нет, не может быть... – Ноги у нее подкосились, Дана опустилась на стул, задрожала. – Значит, они задались целью меня убить. И убьют. И даже не хотят знать, куда я дела...

– Где п... продукты?

– В холодильнике, – машинально ответила Дана, находясь во власти страха. По ней стреляли! – Глушитель... Точно! – А до меня не дошло, откуда кровь на Семене Кирилловиче...

Пока она сидела, опустив плечи и повесив нос, Богдан на-

шел кастрюльку с рагу, поставил на огонь, достал колбасу, понюхал, поморщился, положил назад. Поставил на плиту чайник, нарезал тоненькими ломтиками хлеб, сыр, огурцы. Причем Дана и в состоянии ступора заметила, что управлялся он ловко, ей бы так. Когда тарелки с дымящимся рагу стояли на столе, Богдан потребовал:

– Рассказывай.

– Что? – подняла она глаза собаки, ждущей от хозяина кусок.

– Все. По... почему в тебя с... стреляли?

– Я видела, как убили человека.

И что Богдан? Ни одной эмоции. Ни малюсенькой. У него даже ни одна мышца на лице не дрогнула, а мышц на этой афише, надо полагать, больше, чем у среднестатистического человека. Можно подумать, каждый второй становится свидетелем убийства. Он слишком большой, чтобы до него быстро доходило. Тем не менее Богдан услышал сказанное Даной.

– К... как убили? – спросил он.

Она поставила локти на стол, кулаками уперлась в щеки и начала рассказ. Да, голод терзал, но кусок не полез в горло, как только она восстановила эпизоды прошедшей ночи. Рассказывала не потому, что рассчитывала на помощь гориллы Богдана, в данной ситуации никто не поможет, и, как ей казалось, она обречена. Но, может, она получит совет, ведь нелегко смириться с такой перспективой. Рассказывала и по-

тому, что кошмар чудился сейчас нереальным наваждением, а никак не явью. Она не перескакивала с одной мысли на другую, как обычно перескакивают волнующиеся люди, внося путаницу, говорила медленно, шаг за шагом припоминая детали, проживая и осмысляя их заново.

– Как думаешь, почему они меня так быстро нашли? – закончила Дана вопросом, который терзал ее с того момента, когда она вспомнила, при каких обстоятельствах видела одного из участников нападения.

Богдан, сосредоточенно намазывая ножом масло толстым слоем на хлеб, ничего не ответил. Дана поняла, что ему эта задача тоже не по плечу, отвела взгляд и вздохнула. Он кинул на бутерброд несколько ломтиков сыра, налил себе чая, расколочил сахар, принялся пить и есть. Потом неожиданно заговорил:

– Это бо... богатый д... дом?

– Очень, – снова вздохнула Дана. – Я такие только в кино видела.

– В та... таких домах камеры.

– Какие камеры?

– Ви... видео. Я бываю в богатых домах, знаю. За всеми следят.

– За гостями следят камеры? – брезгливо поморщилась Дана, он утвердительно кивнул. – Фу, как это некрасиво...

– Боятся всех, го... гостей тоже.

– В комнатах тоже камеры установлены? (Он пожал пле-

чами, мол, не знаю.) Нет, в комнате не было камеры, иначе меня давно бы схватили прямо там. Нет, они не знают, что я видела убийство...

– Я бы так не ду... ду... думал. Тогда тебя не за что у... убивать.

– Так я же угнала машину с трупом, все равно попадаю в свидетели, – выставила конктрдовод Дана. Он покивал, но кивание ничего существенного не добавило. – Хорошо, допустим, меня, которую никто не приглашал, запомнил тот жлоб и увидел по виду. А как они узнали мой адрес?

Теперь Дана не воспринимала его молчание как наплевательское отношение к ней. Просто он будто жираф, только у жирафа есть шея, а у Богдана масса, пока дойдет через уши к мозгу... Дошло, потому что он предположил:

– Ты пришла не о... одна. Вас ви... видела охрана...

– Ну и что? Охране мой адрес неизвестен, – перебила его Дана, не имея терпения дослушать медлительную речь Богдана до конца.

Он чуть не уничтожил ее взглядом, красноречиво дав понять, что не любит, когда его перебивают. Во время паузы она дала себе слово больше не перебивать убогого.

– Адрес зна... знает твоя п... подруга, – высказал он мысль.

– Неля?! – обалдела Дана. – Она не могла... Хотя... Неля не знает, какие со мной приключились неприятности... Да, она могла сказать.

– Пок...кажи ключ.

– Который подсунул Семен Кириллович? Сейчас... – Дана убежала в комнату, где валялась на полу сумочка, в суматохе она не подобрала ее. Вернулась и положила ключ, затем связку ключей на стол. – Вот и вот.

Он повертел ключ, затем связку, поднял глаза на Дану:

– Ты ду... ду...

– Я тогда ни о чем не думала, мечтала спастись, – догадалась, о чем он хочет спросить.

– Нет. Ты ду... дура? Зачем взяла? – И кинул связку на стол.

– Не знаю. Руки сами взяли.

– Ты у... указала им на себя. Ключи и ба... бабки лежали там, г... г... где труп, значит, ты зна... знаешь, к... кто убил.

– Я их не видела. Только ноги и голоса слышала...

– Док...кажи им теперь.

– Что же мне делать? – приуныла Дана.

– Спать.

Богдан остался на ночь, так как не исключено, что убийцы торчат в подъезде. Дана постелила ему в комнате деда.

Под аккомпанемент сопения в кресле Неля так и эдак прокручивала в уме ситуацию, пытаясь ответить себе на вопрос: если не удастся бежать или позвонить в милицию, что будет? Какая самая скверная версия? Смерть Неля исключала – не за что ее убивать. «Сорняк» не полный идиот, знает, что убийц ищут менты, правда, не всегда находят. Не смерть – тогда что? Зачем он здесь? Но ничего объясняющего присутствие «сорняка» в квартире на ум не шло. Неля, разумеется, находилась на том пределе нервного напряжения, когда довольно внезапного звука, чтобы взбеситься – закатить истерику, попытаться выпрыгнуть в окно, несмотря на четвертый этаж, позвать на помощь. В такие пиковые моменты жизни она закрывала глаза и уговаривала себя потерпеть. И выжидала. Она выжидала, когда сон надсмотрщика станет крепким, рассчитывала, что ему неудобно в кресле, по логике, он должен свалиться, не железный же. И считала до ста, приводя нервы в порядок.

А ждать было невыносимо тяжело, особенно не зная, сколько на самом деле прошло времени. Неля, жившая легко, как попрыгунья стрекоза из басни Крылова, никогда не знала, что значит беречь время. Сейчас узнала. Она его берегла, от этого зависела крепость сна надсмотрщика, но именно выдержать паузу оказалось наитрудней-

шим делом. Даже приблизительно она не могла определить, сколько прошло времени с тех пор, как легла. Вроде бы давно должен наступить рассвет, а темень за окном глубокая. И с каждым новым позывом вскочить и рвануть к выходу ей становилось все сложнее сдерживать себя.

Она послушала ровное дыхание «сорняка», осторожно передвинулась к краю, свесила ноги. Выдержала длинную паузу, унимая бесшумным, но глубоким дыханием учащенное бьющееся сердце. Вставала на ноги очень долго, чтобы ни одна пружина дивана не скрипнула. А уж к входной двери не шла на цыпочках – почти по воздуху плыла. И только взялась за щеколду замка...

– Туалет и ванная там, – сказал он.

– А! – вскрикнула Неля, обернувшись и прижавшись спиной к злополучной двери, к которой так исступленно стремилась.

Он стоял в проеме черный, как фантом из геенны огненной. Неля сначала беззвучно зарыдала, сползая на пол, но когда вышел воздух из легких, с новым вдохом ее прорвало на крик:

– Что тебе надо от меня? Какого черта ты здесь торчишь? Дана нужна? Иди к ней! А меня оставь в поко...

О нее шмякнулось что-то мягкое, заставив прервать вопль страха, возмущения и отчаяния. Это оказалась подушка. После того как Неля прикусила язык, «сорняк» спокойно проскрипел невыразительным голосом:

– Иди спать. От меня еще никто не убежал.

Она не хотела подчиняться, не хотела идти в комнату и провести остаток ночи с негодяем, который, наверное, сделан не мамой с папой, а клонирован неизвестным гением.

– Я сказал: спать! – не повышая голоса, приказал он.

Неля, бубня под нос ругательства, вошла в комнату и упала на диван. Ей стало ясно, что перспектива у нее препаршивая.

В отличие от Нели Дана спала без задних ног, но прикосновение к плечу почувствовала мгновенно, испуганно ойкнув, прижалась к стене.

– Это я, Бо... Богдан, – тихо сказал он.

– Чего тебе? – натягивая одеяло, неласково спросила Дана. А чтобы посмотреть в его бесстыжие глаза (он же, кажется, с определенными намерениями лезет), включила настольную лампу.

– Вставай, – Богдан был краток.

– Зачем?

– Соб... бери вещи, уходить будем. Фо... фо... фонарик есть?

– У деда все есть, он у меня куркуль. А сколько времени?

– Т... три.

Дана соскочила с кровати, побежала в комнату деда, но притормозила:

– А как будем уходить? Вдруг они в подъезде засели? Или возле дома караулят?

– У... увидишь.

Она нашла фонарик – у деда все по полочкам разложено, беспорядка он не терпит, – отдала Богдану. Тот выключил настольную лампу и включил фонарик, светил ей во время сборов. А видимость была исключительно плохая для Даны, привыкшей разбрасывать свои вещи, что являлось причиной ссор с дедом.

– Почему нельзя при свете собраться? – проворчала она.

– Пот... тому.

– Но мое окно не во двор выходит.

– Пот... тому, – не стал объяснять Богдан.

Вещи она побросала в большую сумку, принесла сумочку с деньгами из кухни. Богдан утрамбовал содержимое баула, взял сумочку из рук Даны и запихнул ее в баул. Потом выпрямился и спросил:

– В... веревка есть?

– А какую надо?

– Бе... бе...

– Бельевую? – подсказала она, он кивнул. – Сейчас.

Дед запасливый, он может в квартире год просидеть в случае осады дома. Она принесла на выбор три мотка веревки, Богдан сунул ей фонарик в руку, далее выбирал из ассортимента веревок, пробуя их на крепость, подносил к лучу, рассматривая качество. Выбрал. Ни слова не говоря – да он обращается с ней, будто с неодушевленным предметом! – поднял Данае руки, обернул ее два раза веревкой вокруг талии

и завязал узлы.

– Зачем? – растерянно произнесла она. – Что ты хочешь сделать?

Богдан взял ее за плечо и вывел на балкон, выходящий на улицу, как и окно комнаты Даны, после чего скомандовал.

– Лезь.

– Куда?! – похолодела она, пятясь от него.

– Туда, – указал вниз.

– Ты что, спятил?! Пятый этаж! Я не альпинистка, не могу, я боюсь... я разобьюсь!

– Лезь! Я спу... спущу тебя. Потом су... сумку. Потом сам.

– Нет, нет, нет, – запротестовала Дана. – Я... Ой!

Богдан схватил ее лапами за талию и спокойно переместил на другую сторону балкона. Дана, едва ноги коснулись балконного выступа, вцепилась в перила, попискивая и не смея глянуть вниз. Богдан протянул ей веревку:

– Д... д... держи.

Куда там! Тут бы удержаться. Богдан начал отдирать руки Даны от перил, но ему, превышающему ее раз в сто в силе, это не удалось. Ощувив смертельную опасность, Дана будто приросла к перилам.

– Б... б... брось! – шипел Богдан, но она не реагировала.

Он скрестил руки на груди и решил постоять. Она забросила было ногу на перила, он сбросил ее назад. Она еще раз забросила, он сбросил.

– Издеваешься? – огрызнулась Дана. – Я упаду!

– Держи, – протянул он веревку.

– Я никогда этого не делала, – жалобно протянула она.

– Я то... тоже. Надо про... обовать.

– Мы могли бы подождать, когда им надоест ждать и они уйдут...

– Не м... могу. (До чего же раздражало его заикание!) Мне на... на работу. Я не х... хочу стать убитым. Ты м... можешь остаться, а я с... спущусь.

– Нет! – взвизгнула Дана. Остаться одной в квартире? Чтобы в нее проникли убийцы и кокнули ее? Она посмотрела вниз – к горлу подкатила тошнота. – А ты меня удержишь?

– Ба... бараний вес? Зап... просто.

– Давай веревку.

– Де... держись крепко, а т... то вниз г... головой...

– Поняла, поняла! Ой, мамочка...

– Узлы не т... трогать, поняла?

Дана схватилась за веревку, зажмурилась, но не сделала шага назад, чтобы очутиться в воздухе, а легла грудью на перила. Помог Богдан, взял ее за воротник джинсового жилета и, можно сказать, отсоединил девушку от балкона, она повисла между небом и землей. Начался медленный спуск, Дана прижалась щекой к веревке и упорно не открывала глаз, убеждая себя, что на этом жизнь не кончится. А страшно-то как! Веревка крутилась, вместе с ней Дана, которая ударилась ногами о балкон четвертого этажа, потом бедром о бал-

кон третьего, от искушения ухватиться за спасительные перила ее удержали странные звуки. Дана непроизвольно раскрыла глаза – так и есть, как она подумала: не всем спится в эту ночь. Балконная дверь распахнута, а на кровати бурный секс, и не хуже, чем в порно. Подглядывать, конечно, неприлично, но на несколько секунд зрелище отвлекло ее от страха перед спуском. Дана смелее посмотрела вниз – если и упадет, уже не страшно. Ноги коснулись земли, впору было ликовать. Дана несколько раз дернула за веревку, мол, я благополучно приземлилась. Сверху Богдан начал спускать сумку, но не так осторожно, как Дану, она громко ударялась о балконы.

Женщина на постели приподняла голову, чего оказалось недостаточно, чтобы увидеть балконную дверь. Она поинтересовалась у партнера:

– Что это бьется о балкон?

– Не отвлекайся, – в ритме телодвижений пропыхтел мужчина.

– Я уже третий раз слышу там какие-то удары, – забеспокоилась она. – Погоди... Ну, правда, мне не по себе, я закрою дверь.

Тем временем Богдан перелез на внешнюю сторону балкона, держась одной рукой за перила, присел и взял оба конца веревки, протянутой между железными столбцами. Потом повис у основания балкона, обхватил ногами обе веревки и заскользил вниз.

Женщина из квартиры на третьем этаже все же сбросила с себя партнера, несмотря на его протест, нагишом подошла к балконному проему, да так и обмерла. Всего в полутора метрах от нее зависло нечто огромное с человеческими очертаниями. Секунду спустя она разглядела упитанную тушу, крик застрял в горле, она просипела:

– А... а... а...

– Т... т... тихо! – шепотом приказал Богдан, спускаясь вниз. – И... извините.

Женщина проводила его шальными глазами, закрыла балконную дверь, вернулась на кровать и приняла позу покойника.

– Все в порядке? – вознамерившись продолжить акт, дежурно спросил мужчина.

– Да... – выдавила она. – Там воры... Или мне показалось?

– Не к нам лезут? – нисколько не озаботившись, поинтересовался он.

– Не к нам.

– Ну и пусть лезут.

Внизу Богдан отвязал баул, затем потянул за один конец, веревка соскользнула вниз. Освободив девушку, он смотал веревку, взвалил баул на плечо и зашагал от дома. Дана бежала рядом, выражая восхищение:

– Ты просто супермен, клянусь! Никогда бы не подумала, что ты так легко сползешь по отвесной стене. Ты случаем не альпинист в недалеком прошлом?

– Нет, – отозвался он, широко шагая.

Про альпиниста она намеренно загнула, чтобы ему польстить. Такого бегемота ни одна скала не выдержит, тем более льдина.

Когда вышли на параллельную улицу, по которой даже ночью ездят автомобили, он поставил баул на землю, спотыкаясь на каждом слове, спросил:

– Тебе есть к кому поехать?

– Поехать? Зачем?

– С... с... спрятаться.

– Ну, вообще-то я думала, ты мне поможешь...

– Я п... помог тебе д... два раза. Хватит.

– Ну, хорошо, я позвоню подруге...

Подруга, то есть Неля, не ответила и – прекрасно! Дана звонила на мобильный, за это время она сообразила, что не стоит звонить на обычный телефон, Неля не слишком обрадуется смертельно опасным проблемам подруги. Осталось надавить на жалость, не чурбан же он бесчувственный.

– Не отвечает. – Дана сделала несчастное лицо. – Ты же не бросишь женщину среди ночи одну?

– У теб...бя одна под...друга? – проигнорировал он ее вопрос.

– Остальные живут с родителями, бойфрендами, детьми. Думаешь, обрадуются мне? Что я им скажу? Что меня убить хотят? Да и не могу я подвести людей. Хочешь, чтобы я подставила их?

В общем, ответственность за свою жизнь Дана великодушно взвалила на могучие плечи Богдана. Надо сказать, он не пришел в восторг оттого, что ему предоставили возможность решать, куда деть малознакомую девицу, к тому же назойливую, с сомнительным прошлым, о чем говорит легион убийц у нее на хвосте. Почему-то именно ей «повезло» заполучить труп как довесок к воровству, ведь она еще и воровка. Ну, автомобиль угнала – не было выхода, если верить ее рассказу, а ключи и деньги, видите ли, руки сами взяли. Богдан ходил вокруг Даны и думал, что ему с ней делать.

Она следила за ним из-под приспущенных ресниц, посылая гипнотический импульс: не вздумай бросить меня. Гипнозом Дана не владела, статей начиталась и впервые испробовала рекомендации, вдруг да поможет. Параллельно в голове скакали хаотичные, но на ту же тему мысли. Он вступился за нее, а сейчас мало найдется мужчин, способных отважно броситься на выручку совершенно незнакомому человеку, разве что спецназовец проявит храбрость. Богдан не спецназовец, бегемотов туда не берут, однако его поступок характерен для исключительно порядочных людей. Он не бросил ее после освобождения, проводил в бар, домой... Нет, не бросит. И все же она вслух повторила внушение:

– Не бросай меня, Богдан.

Тяжело дался ему выбор.

– Вызывай так...кси.

Пожалуй, впервые Дана сделала вывод, исходя из собственного небогатого опыта: слабой быть выгодно. Что ж, век живи, век учись.

Через сорок минут они подъехали к новому дому, Богдан расплатился, хотя порывалась оплатить такси она. Квартирка у него оказалась нехилая, однокомнатная, но такая большая, что Дана присвистнула. Отделана на высшем уровне, мебель тоже... впрочем, Дана толком не разглядела обстановку, переключила внимание на Богдана.

Он сдвинул два громадных кресла, постелил на них простыню, кинул подушку, плед. Властно и молча выбросил руку с указательным пальцем в сторону кресел, мол, там твое место. А он свирепый... И двинул к противоположной стене, постелил себе на диване, лег, выключил свет. Дана устроилась на креслах, свернувшись калачиком. Оставшись наедине со своими мыслями, она вдруг вспомнила, приподнялась и позвала:

– Богдан...

– М? – недовольно отозвался он.

– Что мне делать с Семеном Кирилловичем?

– Завтра, – отрубил Богдан.

А что изменится, когда придет это завтра? Труп куда не денется, желающих украсть покойника не найдется. Но Дана адски устала, а безопасность расслабляла – уснула она мгновенно.

8

Он не бегемот, он слон. Только слоны могут так топтать, сотрясая землю или, как в данном случае, пол. С раннего утра Богдан затопал по квартире, загремел посудой на кухне, которая спланирована не как в обычных домах – дверей вообще нет. Хочешь не хочешь, а проснешься. Дана открыла глаза... и все ужасы нахлынули с новой силой вместе с вопросом – как быть? Сейчас в журналах дают кучу советов не тащить за собой прожитые дни, дескать, в новый день надо вступать чистым от прошлого. Интересно, каким образом Дана освободиться от прошедших полутора суток, например, от того же трупа? Мрак! К тому же она не высыпалась вторую ночь, а сон для женщины равносителен аккумулятору: есть сон – есть заряд, нет сна – ты разрядившаяся батарейка.

Дана завернулась в плед и приползла на кухню, разбитая донельзя. Слон Богдан что-то там подбрасывал на сковородке, ухом не повел, когда она взобралась на высокий стул и нахихлилась.

– Доброе утро, – промямлила Дана, не дождавшись приветствия в свой адрес. Богдан кивнул. Ах, ну да, он же заика, ему лишний раз выговорить слово все равно что вагон разгрузить. – Сколько времени?

– Семь.

Ничего себе! Семь утра! Он изверг. Изверг поставил перед ней дымящуюся кружку с ароматным кофе. Дана отхлебнула, еще отхлебнула и обвела глазами кухню. Большая. Кругом порядок. Что удивительно – у мужика имеется полный набор кухонных приспособлений, некоторая утварь вообще неизвестного назначения. Между прочим, стоимость всех этих игрушек для домохозяек весьма немалая, не говоря об интерьере. Дана пила кофе, исподтишка изучая Богдана. При свете дня он оказался не столь страшен, однако не стал меньше и не похудел, его афиша тоже не стала привлекательней. Нос картошкой, губы лапти, лоб узкий, глаза обыкновенные, голова срослась с плечами.

– Ванная там, – указал он ножом.

Дана поняла, что Богдан предложил ей освежиться, это было как нельзя кстати. Оценив ванную комнату на «пять» с плюсом, она вымылась основательно, вытерла тело полотенцем и утонула в махровом халате Богдана. Подняв полы, чтобы они не волочились по полу, вернулась на кухню. Богдан поставил перед ней тарелку с чем-то желтоватым и воздушным. Принюхавшись, она спросила:

– Это что такое красивое?

– Ом... млет.

– Омлет?! – искренне изумилась Дана, потому что у нее омлет всегда получается тонкий, как блин. Попробовав, она не покривила душой. – Вкусно. Первый раз встречаю мужчину, который умеет потрясно готовить.

Богдан остался глух к комплименту, поглощал свой омлет, рассчитанный на десять человек, хлеб с маслом и сыром, жареные овощи, запивал кофе. Конечно, если столько жрать – станешь размерчиком со слона.

– Я тут по... подумал, – сказал Богдан. – Тебе надо в милицию.

– Думаешь, я дура и не думала об этом? – При упоминании о проблемах Дана стала мрачной. – Понимаешь, Зоя и Семен Кириллович почему-то не обратились в милицию, а они знали о грозящей им опасности. Зоя говорила в ротонде: «Он убьет меня». Я не знаю, кто этот «он», но Семена Кирилловича уже убили.

– И что?

– Ну как же! – округлила глаза Дана. – А вдруг они не обратились в милицию по серьезным причинам? Вдруг убийцы связаны с ментами? (Богдан презрительно фыркнул, значит, не принял идею Даны.) Ты телевизор смотришь? Там одна коррупция, рука руку моет, оборотни в погонах...

– Меньше телик смо... мотри.

– Тебе хорошо говорить, – надулась Дана. – А я на своей шкуре испытала, что такое настоящие преступники. Они нашли меня. И хотели убить. Между прочим, где убили Семена Кирилловича? Прямо в доме Бабаджанова! А он кто? Грузовик с бабками. Эти люди ничего не боятся, знают: всех купят.

– И к... какой вы... выход?

Дана опустила нос почти в тарелку. У нее не было вре-

мении подумать, какой из этой скверной истории может быть выход – события слишком быстро наслоились друг на друга. Но выход искать придется. Она спрыгнула со стула:

– Попробую еще раз связаться с Зосей, она же ничего не знает, ей тоже надо спастись. – Дана принесла на кухню сумочку, достала мобильный телефон Семена Кирилловича, расстроилась. – Не отвечает. Как думаешь, ее уже убили?

– Наб... бери эсэмэску.

– Набирала сто миллионов раз, – пессимистично махнула рукой Дана, но подумала и набрала, говоря текст вслух: – «Зося, Семен Кириллович убит. Вы дура. Дана».

– Ты тоже ду... ду... дура.

– А как еще ее вызвать? – справедливо возмутилась Дана. – Если она жива, теперь-то ответит. Черт, батарея садится.

Богдан взял из ее руки телефон, взглянул на трубку и усмехнулся:

– За... заряду. У меня та... та же фирма. Одевайся.

– Мы куда-то поедем?

– К т... т... трупу.

Дана оделась как метеор, отметив про себя, что Богдан ее не выгоняет, а мог бы. Только не понимала, зачем ему нужен труп. Ну, пусть посмотрит на Семена Кирилловича, может, он хочет убедиться, что труп есть. А может, придумал, куда его деть? Вот хорошо бы, если так.

Под домом был гараж, Богдан выехал на «Лексусе»! От-

куда у него деньги на шикарную квартиру, машину, всяческие электронные прибабасы? Вдруг он тоже принадлежит к преступному миру? Кстати! Он говорил, будто бывает в богатых домах, интересно, что там делает? А вдруг он киллер, и богачи заказывают ему валить своих партнеров по бизнесу? Тогда Дане крупно не повезло, у преступников содружество, если только они не враждуют. Она уже с опаской села к нему в авто, по дороге ее распирало от любопытства:

– Богдан, скажи, чем ты занимаешься?

– Зач... чем тебе?

– Просто интересно. Должна же я знать, кто мой спаситель?

– Я шеф...

Дана чуть не умерла на месте: шеф! Все ясно? Шефы с такими габаритами и бандитской рожей шефствуют только над уголовниками. Но поскольку он заика, вторую часть фразы сказал через паузу:

– ...повар.

– Повар?! – обалдела Дана. – Ты повар?!!

– Шеф-повар. Раб... ботаю в сам...мом элитном ресторане.

Она закатилась от хохота:

– Повар! Ах-ха-ха-ха! Вот уж не подумала бы! – Заметив, что горилла Богдан свел брови и сжал губы, Дана извинилась: – Ой, прости, пожалуйста, я не хотела тебя обидеть. Понимаешь, ты слишком... большой, чтобы заниматься за-

урядной профессией.

– С... сама заурядная, – буркнул он. – Я д... два раза победил на конкурсах. Был в семи странах, готовил для п... принцев.

– Я же извинилась. – Дана тронула его за плечо, он дернулся. – Ну, не обижайся, Богдан. Я дура, невоспитанная дура, доволен? К тому же своими победами похвастать не могу, у меня их нет.

– Моей по... подруге тоже не н... нравится, – угрюмо произнес он.

– То, что ты повар? То есть шеф-повар? Тогда это плохая девушка.

– Хорошая, – возразил он. – Ку... куда?

– Ехать? Ах да! Выезжай из города. Дождь собирается, нам это не нужно, там дороги практически нет... Телефон!!! – неожиданно закричала Дана, будто ее режут. Громила Богдан непроизвольно вздрогнул и посмотрел на нее с недоумением, но она рылась в сумочке, нашла трубку и поднесла к уху. – Алло! Это я, Дана. Зося, вы?

– Я, – сказала Зося. – Дана, что за шутки?

– Сначала скажите, почему вы не пришли? – зачастила Дана. – Я уж думала, вас тоже пришили, но, как слышу, с вами полный порядок. Так почему?

– В баре вы были не одна...

– Это мой друг, – прорычала Дана. – Меня нашли убийцы, тоже хотели убить, а он...

– Что вы несете? – прервала Зося. – Какие убийцы?

– Которые убили Семена Кирилловича. Я видела, как его убили, он подсунул мне какой-то ключ. Об этом я хотела вам рассказать, но вы не пришли. То есть, как теперь я понимаю, пришли и не захотели со мной встретиться... Алло, Зося! Вы меня слышите?

– Слышу. Что за ключ дал вам Семен Кириллович?

– Откуда я знаю! Ключ маленький, в замшевом футляре.

– Свой телефон тоже дал вам он?

– Нет, мобильник я стащила сама. Его труп тоже. Зося, давайте встретимся? Это же не телефонные разговоры.

– Я вам не верю.

– Ну и катитесь тогда к чертям. – Дана кинула трубку в сумку. – Вот идиотка! Нет, что она там думает? Что я заодно с убийцами? Прибитая.

– Она бо... бо... боится, – сделал вывод Богдан.

– А я не боюсь? – вспыхнула Дана. – Между прочим, это они наворотили темных делишек, из-за чего один уже лежит в багажнике, а я при чем? Я случайно оказалась в той комнате. От ужаса чуть не умерла, когда ночь провела в компании с трупом. Лучше бы с Виталием трахнулась, по крайней мере, это не смертельно. Но я влипла, потому что видела убийство...

– Ук... крала бабки, к... ключи, трубу и т... труп, – дополнил Богдан.

– М-м-м! – застонала Дана, откинувшись на спинку сиде-

нья и запрокинув голову. – Откуда я знала, что труп в машине? Откуда мне было знать, что меня вычислят так быстро? Дед говорит, надо брать то, что падает тебе в руки. Я стащила первый раз...

– И мо... может, в последний.

– Иди ты! – разозлилась Дана, отвернулась. – Тоже мне, прорицатель. Ой, сворачивай!

Вскоре он заглушил мотор, вышел, осмотрелся на местности и наклонился к раскрытой двери:

– Пошли, а то за... застрянем.

Дана нехотя выбралась из машины, побежала к роще, за ней шел Богдан. И как же она разочаровалась, увидев свое сооружение из поникших веток. Богдан открыл багажник, скривил физиономию.

– А я так надеялась... – протянула Дана, заглянув краем глаза в багажник.

– Что т... труп уйдет? – съехидничал Богдан.

– Примерно, – вздохнула она и заходила вокруг машины, стеная: – Меня тошнит. Меня сейчас вырвет. Господи, ну, почему, почему этот труп достался мне? Куда теперь его девать?

– Хватит ныть, – закрывая багажник, сказал Богдан.

– Убедился, что я не вру? – подлетела к нему Дана.

– П... принеси т... тряпку.

Дана сбегала к «Лексусу», нашла тряпки в бардачке, прибежала назад и вопросительно уставилась на Богдана.

– Выт... тирай все, к... к чему прика... касалась.

– А-а, – дошло до нее. – Отпечатки пальцев стереть?

Управилась она достаточно быстро – не терпелось покинуть это место, вытерла руль, дверцы, багажник, нос автомобиля, до него тоже дотрагивалась, когда ее окружили ротвейлеры.

– И что дальше? – спросила Богдана, который вытирал свои отпечатки на багажнике.

Он только кивнул, мол, иди за мной, Дана и побежала, с недоумением оглядываясь на рощу. Опять оставили труп, собственно, с собой его не забереешь, лишь...

– Богдан, может, закопаем Семена Кирилловича?

– Нет, – бросил он через плечо.

– Но что-то же с ним сделать надо? Сколько ему здесь лежать?

– Поехали.

Богдан открыл перед ней дверцу, Дана подчинилась и села на прежнее место. Вернулись в город, потом в квартиру, где он сунул лист и фломастер Дане:

– П... пиши.

– Что писать? Кому?

– За... заявление, г... где лежит т... труп.

– Не буду, – отодвинула она лист и бросила фломастер. Он настойчиво придвинул его к ней, Дана отодвинула, Богдан рявкнул:

– Пиши!

Он страшен во гневе, лучше с ним не спорить, а то случайно заденет ладошкой, и Дана отправится вслед за Семеном Кирилловичем. Она схватила фломастер, приготовилась писать, не сводя глаз с разгневанной гориллы Богдана.

– Пиши пе... пе... чатным...

– Печатным шрифтом, – кивнула она.

– Как его фа... фамилия?

– Не помню. Я только адрес запомнила, в паспорте посмотрела прописку. Ну, диктуй.

Продиктовал (это не диктовка была, а мучение) он следующее: «Семен Кириллович, фамилия неизвестна, был убит в доме Бабаджанова третьего июня примерно в половине двенадцатого ночи. Труп его находится в багажнике BMW, который стоит в роще недалеко от дачного поселка». План Богдан нарисовал самолично, надписал ориентиры.

– Что собираешься делать с этим? – указала подбородком на кляuzu Дана.

– От... тнесу в...

– Милицию? – закончила она, не имея терпения слушать спотыкание на каждом слове.

– П... п... прокуратуру. П... пусть разбираются.

– Думаешь, это правильно?

– У... уверен.

– А мне что делать?

– Звони по... подруге и по... поживи у нее.

Все-таки выгоняет. Конечно, никому не нужны чужие

проблемы, тем более такие смертельно опасные, он и так помог ей через край. Богдан предупредил, чтобы Дана захлопнула и проверила дверь, когда уйдет, потом умчался на работу.

Дана загрустила одна. Да делать нечего, надо где-то найти приют. К деду на дачу нельзя, он заставит возить урожай на рынок, а ей, судя по всему, желательно не показываться на улицах города. Неля, конечно, облеплена королями-ухажерами, но уголок для подруги найдет, ведь из-за нее Дана влипла.

Она сняла трубку с аппарата... Ой, нет! Богдан предположил, что адрес Даны убийцы узнали у Нели. Так ведь больше не у кого. Не мешало бы с ней поговорить по данному поводу... а прежде пошевелить мозгами, чем это чревато. Если Неля подозрительным и незнакомым мужчинам выложила адрес, то на что она еще способна? Нет, Дана не подумала о ней совсем плохо, но вдруг ей угрожали? Под угрозами чего только не сделаешь, и подругу заложишь. А убийцы будут трясти Нельку, выяснять, где находится Дана.

Она окончательно передумала звонить Неле. Надо поспать немного и потом думать, а то голова чугунная, энергии ноль. Дана легла на большой диван Богдана, поворочалась и улетела.

С серого неба срывались капли дождя, а где-то вдали грохотал гром. С поста наблюдения вернулся Дейл, отпил из бу-

тылки минеральной воды, откинулся на спинку сиденья. Настала очередь Чипа дежурить во дворе, он накинул куртку, но тут Аслан предложил:

– Попросите вон того пацаненка узнать, дома она или нет.

– Да дома, дома, – заверил Дейл. – Мы глаз не спускаем с подъезда, и мимо нас она не проскочит – выход со двора один. Хахаль ее там же.

– А я бы узнал, – пожал плечами Аслан. – Третий час дня, она давно должна слинять из квартиры и подыскать более надежный тыл. Я бы так и сделал.

– Иди к пацану, – лениво шевельнул кистью руки Чип, ведь условия походные, все устали.

Дейл был младше и по положению, и по возрасту, посему повиновался. Мальчик прибежал минут пять спустя, Дейл вернулся в авто:

– Она не подошла к двери. Сидят, как мыши. Выйти не могли.

– Могли, – сказал Аслан. – Через люк на чердак, а потом в другом подъезде открыть окно на лестничной площадке, которое выходит на ту сторону.

Чип достал мобилу.

9

– Скажи Дейлу, чтобы сменил меня, – приказал Туча по телефону. Отключившись, он повернулся к Неле, сидевшей в кресле без занятий: – Звони своей подружке.

– И что я должна ей сказать? – процедила она.

Все халявные походы Нели по тусовкам в Москве ни в какое сравнение не шли с нынешним положением. В лучшем случае ее и других халявщиц выставляли, но чтобы в заложниках держать без причин – такое ей и не снилось. Угадывая в «сорняке» бандитскую сущность, Неля тряслась от страха. Но ведь и у нее натура не ангельской девы, так и хотелось заехать по роже надсмотрщика горячим чайником.

– Пригласи ее к себе, – сказал он.

– Зачем? – вызывающе спросила Неля и солгала: – Моя хозяйка поставила условие: ни подруг, ни друзей я не должна приводить сюда.

– И ты выполняешь условие, – издевательским тоном произнес он. – Привела Вехова, спала с ним здесь.

Неля скрипнула зубами, однако нашлась:

– Ну и что? Это было ночью, никто из соседей не видел. А Дана знает об условии хозяйки...

– Звони! – рявкнул он.

Неля сняла трубку, набрала номер, долго слушала гудки, потом протянула трубку Туче:

– На, послушай. Не отвечает.

– Куда звонила?

– Домой, – огрызнулась она.

– Теперь на мобилу звони.

– Я потеряла сотовый телефон, номера не помню.

– А ты вспомни. У нас много времени.

– Не хватало мозги цифрами засорять! Интересно, ты сам-то запоминаешь телефонные номера?

– Запоминаю.

– А я нет! – психанула Неля.

У нее сдавали нервы, приходило понимание, что мерзкий тип не оставит ее в прежнем качестве. А новое качество – это бессмысленный набор костей и мяса, то есть тело в гробу. Воображение у Нели было богатое, но она все равно не могла представить, как именно ее убьет «сорняк», только гроб и маячил перед глазами с красивым, молодым, не насладившимся жизнью телом. От видений Нелю дергало, будто в нее втыкали иголки.

– Ты чего? – спросил Туча, заметив, как Неля очередной раз подпрыгнула в кресле.

– Объясни, что натворила Дана?

– Меньше знаешь, дольше проживешь, – сухо сказал он.

– Тогда какого черта торчишь у меня? – озлобилась Неля. – Я при чем?

– Заглохни. Вспоминай номер подружки.

А у него нервы стальные, поэтому он спокоен, знает,

что будет, когда найдут Дану. Догадывалась и Неля: ей обеспечат гроб. Другого объяснения – почему ее сторожит «сорняк» – теперь нет.

Глеб Аркадьевич Катков сверял с планом местность, отыскивая приметы, описанные в анонимной записке. Именно ему поручили проверить, существует ли труп, отчего он не пришел в восторг. В сущности, Катков был большой любитель сложных задач, однако в записке указан точный адрес, где якобы совершено убийство. Если труп существует, то загадка перестанет быть таковой, притом осложнится положение. Сейчас не хотелось думать об этом, Катков и не думал, а выполнял функцию навигатора, указывая водителю, куда ехать.

Каткова коллеги считали пессимистом и занудой, в какой-то степени это было верно, но иногда же он улыбается, значит, не совсем так. За сорок четыре года он сделал немало: приобрел массу опыта, массу тела и массу недоброжелателей. Из данных масс можно вычленить главное – он мастер своего дела! – ибо у опытного и профессионального следователя недоброжелатели, а точнее, завистники, просто обязаны быть, если их нет – ни фига ты не стоишь. Ну, а масса тела приобретается, потому что он не любит шевелить конечностями, да и работа все равно кабинетная, к ней прибавляются сдобные булочки со сладким чаем как основная еда плюс характер меланхолика. Сгорать энергии негде, она осе-

дает в подкожных жирах и абсолютно не волнует Каткова. При всем при том он упрям и в своем, можно сказать, тихом упрямстве нагл – ленится спорить, что-то доказывать, а спокойно, без ажиотажа делает свое дело, как бы начальство его ни трясло. Раб привычек: курит, пьет водку, обожает поспать прямо на рабочем месте. Эгоист, и еще какой. Как удалось ему прожить с одной женой пятнадцать лет – ей надо памятник воздвигнуть. Остряки дали ему целых две клички: Каков (разумеется, с ударением на первый слог), считая, что Катков сам вписал в фамилию одну букву – «т». И вторая совсем проста – Кака, но его вообще ничто не волнует, клички тем более.

– Стоп, – вяло сказал Катков водителю, тот притормозил. – Где-то здесь.

Сомневаясь, что в записке написана правда, он захватил всего лишь эксперта и молодого следователя, которого его обязали опекать, правда, опеку Глеб ограничивает тем, что позволяет Олегу присутствовать. Повернувшись к коллегам, Катков сделал знак головой, мол, выходим, и неторопливо вылез из машины. Огляделся, сверился с чертежом в записке, указал по очереди на две рощи:

– Олег туда, а мы туда.

Олег мигом достиг своей рощи, Катков с Балясиным не успели пройти и половины пути, как он закричал:

– Есть.

Оба повернули к нему. Олег отбрасывал ветки от авто-

мобилия, а Катков подошел к багажному отделению, остановился, сунув руки в карманы брюк. Он поднял лицо с крупными и грубоватыми чертами к пасмурному небу, которое обещало дождь. Рваные облака заслонили солнце, оно прорывалось сквозь дыры в них, облагораживая свечением края грязно-сизого цвета. Катков сощурил небольшие глаза, так как робкие капли попали на нос, зевнул. Олег – эдакий подтянутый и хорошо упакованный мальчик на выданье – открыл багажник. Катков опустил голову, покивал с кислой миной:

– Труп. Выглядит хреново.

– Так ведь ему около двух суток, в записке указано точное время убийства, – сказал эксперт Балясин (возрастом чуть постарше Каткова и такой же упитанный), надевая латексные перчатки. – А сейчас не зима, холодильная установка у погоды отключена. Ну-ка, кто у нас тут... Какой мужчина видный. У, ему по лицу съездили. По моим наблюдениям, Глеб, когда попадается труп в хорошем костюме, жди минимум еще парочку хорошо одетых трупов.

– Тьфу, тьфу, тьфу, – поплевал суеверный Катков.

– Клянусь, будут еще трупы. Спорим? А, боишься?

– Не люблю проигрывать. Олег, вызывай труповозку и группу, – бросил Катков, лениво обходя автомобиль. Положив анонимку на капот и аккуратно расправив, он изучал ее внимательно, теперь она очень заинтересовала его.

– Что вы там ищете, Глеб Аркадьевич? – Олег тоже скло-

нился над листом, опершись руками о нос автомобиля.

– Позавчерашний день, – ответил тот, закуривая.

– А чего его искать? Место указано. Раз убийство совершено в доме Бабаджанова...

– Докажи теперь, что убили там, – буркнул Катков. – Любопытно, кто это настрочил?

– Судя по всему, тот, кто убил. Он же притаранил «бумер» сюда, потом подбросил маляву, – сказал Олег.

Катков кинул в него мимолетный, ни о чем не говорящий взгляд, снова уставился на записку, почесал ребра.

– Подбросил, говоришь? – Он посмотрел на сигарету, на нее упала крупная капля, загасил ее о землю и сунул окурок в карман. – Вот ты, к примеру, убил человека, отвез его в безлюдное место. Что для тебя главное теперь?

– Ну-у... – протянул Олег, усмехаясь.

Он был молод, угнетающе молод, а те, кому за сорок, втайне мечтают оказаться на месте молодых с их неопытностью и глупостью.

– Думай, столбик, думай, – сворачивая лист и пряча его в нагрудный карман пиджака, произнес Катков.

– Чтобы меня не нашли, – сказал с ухмылкой Олег.

– И зачем же ты, убийца, будешь писать в прокуратуру донос? Чтобы мы по свежим следам вышли на тебя? Тебе выгодно, чтобы труп обнаружили как можно позже или вообще не обнаружили. Второй вариант более логичный, но из него вытекает: почему ты плохо позаботился о трупе?

– Глеб Аркадьевич, получается, записку написал тот, кто видел убийство в доме. То есть свидетель, но в милицию он обращаться не хочет. В таком случае я не понимаю, как он узнал точное место нахождения трупа? Приехал вместе с убийцами сюда?

– Я, Олег, не люблю вопросов, на которые у меня нет ответов.

– Один ответ есть: убили в доме Бабаджанова, значит, приказал он...

– Для меня вопрос пока не стоит, кто приказал и кто убил, – перебил его Катков.

– Вы сомневаетесь, что убийство совершено в доме?

– Во-первых, Олег, донос могли написать с целью увести следствие со следа, то есть сдвинуть стрелки на Бабаджанова.

– Выходит, это сделал убийца? – Олег недоуменно поднял брови, ведь только что Катков отрицал эту версию.

– Не исключено. Но задача от этого не становится простенькой. Во-вторых, если убийство и произошло в доме Бабаджанова, как написано в доносе, что, скорей всего, так и есть, то мы не сможем предъявить обвинение на основании анонимки. Поэтому в данном деле, как я полагаю, есть вопрос более значимый – за что убили. Когда выяснится мотив, найдутся и подозреваемые, и доказательства. А сейчас Бабаджанов пошлет тебя и меня очень далеко. А может, и не пошлет – посмотрим. Дождь начинается, не люблю сля-

коть.

– Убит двумя выстрелами, – вырулил из-за багажника Балясин. – Документов нет. Я пошарю в машине.

– Шарь, – кивнул Катков, идя к багажнику. – Олег, перво-наперво выясни, кому принадлежит «бумер». Далее: надо установить личность убитого, кто он, чем занимался... Значит, его зовут Семеном Кирилловичем, а застрелен он в террариуме Бабаджанова. Нормально. Видимо, спешное решение было, не терпящее отлагательств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.